

ДМИТРИЙ МЕНДЕЛЕЕВ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ
СУЖДЕНИЯ О
СПИРИТИЗМЕ

Дмитрий Иванович Менделеев

Материалы для суждения о спиритизме

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2573185

Аннотация

Книга содержит: протоколы комиссии для рассмотрения спиритических явлений, 36 приложений к протоколам комиссии; статьи гг. Квитка, Мясоедова, Боргмана, Шевиллара, Лавуазье и Бирда и публичные чтения Д. Менделеева о спиритизме.

Содержание

Предисловие	7
ПУБЛИЧНОЕ ЧТЕНИЕ О СПИРИТИЗМЕ Д. МЕНДЕЛЕЕВА	15
ДВА ПУБЛИЧНЫХ ЧТЕНИЯ О СПИРИТИЗМЕ	44
Примечания	131

**Дмитрий Иванович
Менделеев
Материалы для
суждения о спиритизме**

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СУЖДЕНІЯ

О

СПИРИТИЗМЪ.

ИЗДАНИЕ

В. Менделѣва.

СЪ 20 ЧЕРТ. И РИС.

Сумма, которая можетъ быть выручена отъ продажи этой книги, назначается на устройство большого арестата и вообще на изученіе метеорологическихъ явленій верхней слоевъ атмосферы.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

БОЛЬШАЯ ПОДЪИЧЕСКАЯ, СОС. Д. № 39.

Титульный лист «Материалов для суждения о спиритизме» Д. И.

Менделеева. *Издание 1876 г.*

Предисловие

Исследования над изменением упругости воздуха под малыми давлениями завлекли меня в изучение вопроса о верхних слоях земной атмосферы, где воздушное давление менее, чем на поверхности Земли. Понятие о высших слоях атмосферы мы можем иметь не только из лабораторных опытов над разреженными газами, но также из наблюдений над облаками, которые идут на больших высотах (таковы, особенно перистые облака), а точнее всего, из аэростатических поднятий, совершаемых с измерительными приборами.

Два последних способа принадлежат к области метеорологии. Блестящее и быстрое развитие, которое получила эта наука в последние годы, отлично выражено в популярной современной книге норвежского ученого Мона, являющейся ныне в переводе на русском языке. Метеорологические вопросы, касающиеся верхних слоев атмосферы, имеют важное и живое значение по отношению к дальнейшим успехам учения о погоде. Лабораторные мои исследования над упругостью газов идут; на них есть и средства, благодаря участию в этом деле и Русского технического общества, для них нашлись и сотрудники. Это дело обеспечено в дальнейшем своем движении. Хочется получить возможность выполнить и другое заветное желание – побывать выше облаков, внести туда измерительные приборы. Меня тянет теперь в те места.

Желание быть там побудило меня и к изданию этой книги.

Рассматривая ряд данных, добытых Глешером, в его воздушных путешествиях, описанных в «Report of the British association for the advancement of science» (начиная с 1862 по 1865 г.), я подметил некоторую эмпирическую законность в изменении температуры разных слоев атмосферы. Об этом я сообщал в конце 1875 г. и в начале 1876 г. в Физическом обществе, состоящем при С.-Петербургском университете, а потом в «Archives des sciences de la Biblioteque universelle de Genève» (Mars., 1876). Тогда же высказал я мысль о необходимости новой проверки опытным путем как этого закона, так и вообще добытых данных – при помощи новых систематических восхождений на аэростате в верхние слои атмосферы. Теория метеорологической стороны вопроса в том виде, в каком он ныне представляется мне, изложена мною в сообщении, сделанном в декабре 1875 г. в Физическом обществе и в Парижской Академии наук («Comptes rendus», Dec., 1875). Оставаясь верным научным преданиям, – не должно, однако, довольствоваться ни эмпирическими выводами из добытых уже данных, ни теоретическим развитием: они одни недостаточны для достижения истины, – необходимо иметь новый запас данных, усовершенствовать способы наблюдения, на новом опыте, на иных наблюдениях проверять найденное и тем доказывать или опровергать. Критика и анализ сильны были и в прежние времена; опытной проверкой современная наука пролагает свои пути, отличается от схола-

стики, убивает рутину. Для этого, однако, должно разнообразить условия опытов и наблюдений, иначе можно не видеть ошибок. Россия с ее континентальным климатом, во многом отличающимся от островного климата Англии, где совершены восхождения Глешера, весьма прилична для новых аэростатических восхождений, для проверки выводов из данных, полученных Глешером.

Об изучении верхних слоев атмосферы мечтал еще Ломоносов. Первое воздушное восхождение, назначенное для целей метеорологии, было предпринято из Петербурга академиком Захаровым с аэронавтом Робертсоном в 1804 г. Знаменитое восхождение Гей-Люссака было произведено в том же году, спустя два месяца. Россия, значит, не чужда зародышу мысли об изучении метеорологических явлений в верхних слоях атмосферы.

На первом съезде русских естествоиспытателей профессор Ковальский возбудил этот вопрос, рассматривая астрономическое преломление. Его поддержало внимание и ходатайство всего съезда; но поднятия не осуществились. Для них нужны крупные средства, в особенности, если дело идет о том, чтобы достичь больших высот и сделать несколько восхождений в разные часы дня и ночи и в разные времена года, в разных местностях. На больших высотах воздушное давление так мало, что человек не может действовать свободно; Цамбекари, Глешер и другие страдали в этих высотах;

Кроче-Спинелли и Сивель в прошлом году погибли там от того, что неблагоразумно долго оставались на высоте около восьми верст над поверхностью Земли.

А есть большой интерес побывать там и сделать соответственные наблюдения. Для того, чтобы правильно судить о том, что совершается в атмосфере, необходимо опытное знание разных ее слоев, а особенно тех, в которых еще ходят облака, потому что эти слои участвуют в атмосферных движениях и переменах, составляют лабораторию погоды. В наших широтах испаряется в течение года гораздо менее воды, чем падает в виде дождя и снега – эта вода принесена из-под тропиков, вместе с массою воздуха. Недаром люди заглядываются на облака – они вестники из мест, где колыбель людей.

В верхних слоях воздуха идут токи тропического и полярного ветров. Где и когда они господствуют, как это влияет на климат и на погоду? Знают это мало.

Умозаключая – как раз ошибешься. Надо и наблюдать за облаками и наблюдать среди них, смотреть и рассмотреть, предполагать и проверять на деле. Это сложнее, чем только обсуждать, критиковать, чем анализировать, но это необходимо, если не желаешь довольствоваться недостаточным. Тот, кто утверждает нечто, тот и должен искать опытных доказательств, не должен отступать перед трудностями. Исследователи не должны забывать этого. Приближаясь к границе атмосферы, мы можем составить более точное суждение,

чем с поверхности Земли, о том состоянии, которое имеет воздух, весьма удаленный от земной поверхности.

Подняться же в высокие области атмосферы можно только на большом аэростате. А для того, чтобы производить там наблюдения, ознакомиться и с частностями, и с общей картиной, для этого необходимо некоторое время. Чтобы безопасно оставаться под малыми давлениями в высоких слоях воздуха, я предполагаю, вместо корзинки или лодки, снабдить аэростат замкнутым сосудом, в котором наблюдатель будет оставаться под давлениями, близкими к атмосферному. Тогда он будет в состоянии производить там отчетливые наблюдения, не подвергаясь телесным страданиям. Тогда можно устроиться удобно, как необходимо для того, чтобы голос тела не заглушал стремления; однако сначала должно попробовать и попытаться разные приемы.

Сверх того, для самых высоких поднятий необходимо наполнить аэростат не светильным газом, как делается обыкновенно, а нарочно добытым и гораздо более дорогим – чистым водородным газом. На устройство аэростата, на наполнение его водородом, на устройство подходящих приспособлений и приборов, на пробы и на кучу мелочей необходимы большие средства. Эти средства я предполагаю отчасти восполнить продажей пяти исчисленных на обороте этой книги сочинений, предназначая выручку от их продажи на устройство большого аэростата, способного для высоких поднятий.

Ежегодно предполагаю публиковать отчет о приходе и

расходе сумм, могущих собраться этим путем, т. е. продажей пяти для того назначенных моих книг, потому что – стану считать себя обязанным пред подписчиками на мои издания. Они, платя за книги, станут участниками моего предприятия. Не смею думать, однако, что путем продажи своих книг выручу те два, три десятка тысяч рублей, которые необходимы для организации дела; рассчитываю только на получение тех, сравнительно небольших средств, которые нужны для начала, для устройства одного аэростата, емкостью примерно в 2, 3 тыс. куб. м, и для нескольких невысоких полетов.¹

Когда первые подъемы совершатся, средства, в том убежден, найдутся; найдутся и у нас люди, которые возьмутся за окончание начатого. Поймут же, наконец, что на дне воздушного океана, на котором мы живем, нельзя получить из метеорологических наблюдений понятия о том, что делается сверху, а без того нельзя точно судить ни о причинах, определяющих климаты, ни об отступлениях от средних норм, т. е. о погоде.

Для ползающего на дне морском неведомы бури поверхности; так и нам почти неизвестны явления, в верхних слоях атмосферы совершающиеся. Даже определения высоты и скорости облаков и направление их движения не ведется еще в метеорологических обсерваториях с надлежащею полнотою и правильностью, как ведутся наблюдения над направлением и силою ветров, дующих по поверхности земли. Ес-

ли обстоятельства не позволяют предпринимать аэростатические восхождения, придется ограничиться изучением облаков – издали, не соперничая с ними высотой и скоростью. И на это дело, в том виде, как оно представляется мне, нужны немалые средства. В облаках только малая доля составных начал воздуха. Один аэростат может дать полное знакомство с высшими частями атмосферы, он сам становится частью воздуха, облако ему – собрат.

Решившись преследовать цель изучения верхних слоев атмосферы, я не смущаюсь перед мыслью о том малообычном способе, к которому прибегаю для получения средств, необходимых для такого изучения. Найдутся, вероятно, осуждающие. Предлагая желающим принять участие в научном предприятии, я имею в виду тех, кто умеет и захочет вникнуть в обстановку всего дела; они увидят, что мною руководит.

Члены комиссии Физического общества, учрежденной для рассмотрения медиумических явлений, отдали в мое распоряжение все дела этой комиссии, предоставили мне их опубликовать, зная, что книга, содержащая эти дела, будет назначена для цели устройства аэростата.

К этим материалам, помещенным в первом отделе книги, прибавился ряд статей, составляющих второй отдел. Большинство их представлено в мое распоряжение посторонними лицами, знавшими цель моего издания. Как ни далеки кажутся два таких предмета, как спиритизм и метеорология,

однако и между ними существует некоторая связь, правда отдаленная. «Спиритическое учение есть суеверие», как заключила комиссия, рассмотревшая медиумические явления, а метеорология борется, и еще долго будет бороться с суевериями, господствующими по отношению к погоде. В этой борьбе, как и во всякой другой, нужны материальные средства. Пусть же одно суеверие послужит хоть чем-нибудь против другого.

Спешу заявить большую мою личную признательность членам Комиссии для рассмотрения медиумических явлений, уступившим мне издание их трудов, г-ну Квитка, г-ну Мясоедову, И. И. Боргману, А. Н. Гезехусу, Е. Г. Бекетовой, В. А. Манассеину, К. Д. Краевичу, В. Л. Кирпичеву и В. А. Гемилиану, которые помогли мне своими трудами в издании этой книги.

Если воздушный шар устроится – их имена будут его украшать.

Д. Менделеев

Апрель 1876 г., С.-Петербург

ПУБЛИЧНОЕ ЧТЕНИЕ О СПИРИТИЗМЕ Д. МЕНДЕЛЕЕВА

15 декабря 1875 г., в аудитории и. Русского технического общества, в здании «Соляного Городка» в С.-Петербурге

Сбор назначался в пользу славян, пострадавших при восстании в Боснии и Герцеговине²

Милостивые государи!

Желая помочь страдальцам, вы собрались здесь узнать, что сделала Комиссия для рассмотрения спиритических явлений, образованная весной этого года при Физическом обществе, состоящем при С.-Петербургском университете. Я буду иметь честь сообщить вам протоколы заседаний комиссии, но предварительно считаю не излишним сказать несколько слов о состоянии спиритического вопроса и о положении этого дела у нас.

В таком новом, выплывшем недавно на свет, вопросе, каков спиритический, нельзя было бы обойти точного и прямого определения того, какие явления должно считать за спиритические, если бы не было сомнения в самом существовании этого особого класса явлений. Ведь вы знаете, конечно, что только небольшой кружок ученых считает доказанным существование спиритических явлений и что большинство отвергает их самобытность. Можно, однако, обойти пред-

ставляющееся неудобство.

Если некоторое явление называют атмосферным, то этим не признают в атмосфере каких-либо новых атмосферных сил, а хотят только означить место действия. В таком смысле спиритическими явлениями должно назвать те, которые происходят на сеансах, совершаемых чаще всего по вечерам, в темноте или полутьме, в присутствии особых лиц, называемых медиумами; явления эти имеют, в общих чертах, сходство с так называемыми фокусами и потому представляют характер загадочности, необычайности, невозпроизводимости при обычных условиях.

Такое определение да не внушит вам мысли о том, что я лично считаю все явления спиритические за фокусы. Нет, я искал и не нашел более точного определения, привожу то, которое считаю беспристрастным и точным. Если стол под вашими руками скользит и колеблется в обыденной обстановке, вы не обращаете на это внимания, но если вы садитесь за стол, ожидая его скольжения и колебания, если вместе с вами сидят несколько других лиц – сеанс сделан, а если стол затем пошевелился – это может быть или не быть явлением спиритическим. Явление будет, наверное, спиритическим, если с вами сидит лицо, заведомо обладающее медиумическими способностями, и если вы сами сознательно не производите движения, а особенно если при этом столодвижение будет иметь некоторый осмысленный или необычайный характер, например, если стол одною своею ножкою бу-

дет выстукивать условным образом ответы на заданные вопросы или подниматься на всех своих четырех ножках.

Вы видите, что дело сводится на необычайность явлений и на медиумов. Быть может, придет время, что и многие атмосферные явления кто-либо отнесет к спиритическим, как пришло время отнести магнитные к электрическим. Суть дела, по словам спиритов, не в том, чтобы разобрать столодвижение или тому подобные слабые спиритические явления, подобные обычным, а в том, чтобы сперва признать, а потом понять, дать гипотезу и законы таким явлениям, которые нигде и никогда, иначе как в присутствии медиумов, не совершаются.

Какие же классы таких явлений? Спириты считают четыре таких класса: 1) движение неодушевленных предметов, при прикосновении рук, особенно поднятие предметов и изменение их веса; 2) движение неодушевленных предметов без прикосновения рук человеческих или без постороннего двигателя, особенно же происходящее тогда изменение веса предметов и поднятие; 3) явления диалогические (разговорные) и психографические, т. е. движения и звуки, имеющие характер осмысленности, например движение предметов по заданному направлению, ответы неодушевленных предметов на вопросы и т. п.; 4-й класс явлений назван медиумо-пластическими (или материализацией). Сюда относится образование или появление частей человеческого тела и полных человеческих фигур. Особенное значение спириты

придают этой четвертой группе явлений.

Если бы не подразумевалось того, что вышеисчисленные явления совершаются на сеансах, в присутствии медиумов, то к первому разряду можно было бы отнести движение часов, которые держатся в руках, ко второму – движение воздуха или облаков в атмосфере, к третьему – все роды гаданья, а к четвертому – живопись, скульптуру и явление фигур в фокусе камер-обскур и тому подобных приборов. Но мы имеем свидетельство весьма большого числа почтенных и полного доверия заслуживающих лиц, которые сами сперва думали так же, как и всякий другой, что спиритические явления суть фокусы, а со временем убедились, что на сеансах с медиумами происходят явления, необъяснимые ни фокусами, ни физическими приборами, ни другими способами, известными до сих пор, а потому составляющие явления *самостоятельные – спиритические*. Как же нам не верить свидетельству некоторых лиц в самостоятельности того, что совершается на сеансах и при медиумах, если мы не имеем повода им не верить?

Сеансы бывают двух родов: публичные или частные, в присутствии записных медиумов, и домашние без присутствия профессиональных медиумов. Эти последние действуют наиболее убедительно. Сеансы бывают удачные и неудачные, но спириты не заметили до сих пор условий, определяющих эти обстоятельства, хотя и утверждают положительно, что присутствие лиц, не верящих в самостоятельность

спиритических явлений, в большей части случаев не препятствует явлениям, что подтверждают своим прежним опытом. Неудача может происходить оттого, что между присутствующими в домашнем кругу нет медиума. Однако опыты спиритов показали, что средним числом из восьми лиц, особенно между дамами, есть большая вероятность встретить одно лицо, обладающее медиумическими способностями. Ныне свидетельствуют, «что доходят отголоски и из русского общества о проявлении медиумических способностей у разных лиц, живущих как здесь, так и в разных местностях империи».

Но и в присутствии *медиума* совершаются не всегда и не всякие спиритические явления. Все дело в силе и специальности медиумов. Иногда медиумизм свойствен членам целого семейства, но в разной мере и силе. У одних медиумов, и такие чаще всего встречаются, только движутся предметы при прикосновении рук – это физические медиумы; у других, сильнейших, и без него совершаются явления разного рода: так, например (передаю слова одного спирита), в совершенно темной комнате, когда двое держат сильного медиума за руки, один из присутствующих чувствует, что кто-то берет его за палец и вместе с рукою поднимает вверх и возносит над головою. У сильнейших медиумов движутся очень тяжелые предметы, например комоды, для движения которых действительно нужна большая сила; у слабейших медиумов движутся звонки, бубны, гармоники и тому подобные,

действительно более легкие, предметы. Немногие только из медиумов способны к вызову явлений материализации, к демонстрации (вызову) несуществующих, новых, членов человеческого тела, рук, головы, торса и, наконец, целого осязаемого тела человеческого с одеждою, волосами и всеми привычными атрибутами живого человека, к производству на сеансах цветов и т. п. Являющиеся в таких случаях люди суть, по уверению медиумов и спиритов, лица, в действительности не существующие, но некогда жившие на земле.

Иммануил Сведенборг, шведский ученый, теософ-мистик и медиум

Обыкновенно при исчисленных, так сказать, высших спиритических явлениях медиумы впадали в особое состояние, называемое *трансом*. Это состояние бессознательное и бес-

чувственное, как сон, сопровождающееся иногда речами, напоминающими бред, движениями, подобными конвульсиям. В это состояние медиумы приходят чаще всего в полутьме или в совершенной темноте; музыка тихая, но постоянная помогает ему, свет, день – препятствуют, и тем более, чем медиум слабее, по крайней мере, у обычных медиумов, наступлению транса и связанных с ним спиритических явлений.

Удостоверившиеся в существовании спиритических явлений составили и держатся одной гипотезы, придавшей всему учению его наименование, а именно полагают, что *причину этих явлений составляют духи*, вне людей, самобытно существующие и все названные явления производящие. Это они стучат в столе, это они двигают им, звонят в колокольчик, гремят бубном, облакаются в свойственный им человеческий образ или образуют только части человеческого тела, или приносят цветы. Уподобляясь людям – духи носят и людские имена. Иным спиритам такая гипотеза кажется очень наивною, и они признают, что в медиумических явлениях есть нечто необъяснимое, а от гипотезы воздерживаются, хотя с полною солидностью выработанного мнения, и требуют согласиться с *де Морганом*: «Физические объяснения легки, но до жалости недостаточны, духовная гипотеза хоть и достаточна, но трудна». Труд, конечно, подразумевается не в создании гипотезы, потому что гипотеза гномов, эльфов, ведьм, домовых и т. п. создана уже давно и так

же связана с гипотезою спиритов, как древняя гипотеза об атомном составе материи связана с современною гипотезою о строении тел; трудность, конечно, предполагается в доказательствах, т. е. в измерении и объективности, но мне неизвестны даже и попытки этого рода – по отношению к гипотезе спиритов.

Нельзя обойти молчанием, что для объяснения многих спиритических явлений, а особенно диалогических явлений, сами спириты признают достаточною особую гипотезу «*бессознательной церебрации*», которой держался Фарадей, разбиравший спиритические явления, и которую удержал и развил особенно Карпентер. Однако она, продолжают спириты, оказывается несостоятельною, признав добросовестно, а не на выбор, верными подтвержденные известными лицами спиритические факты. По мнению спиритов, гипотеза Карпентера не может объяснить поднятия столов на воздух или передвижения предметов без прикосновения, игнорирует чужие наблюдения и вообще не стесняется в критических приемах. Не спириты – многие ученые прибегают иногда для объяснения известных спиритических фактов к гипотезе механических сотрясений, производимых руками; так Шеффлер развивает подобную гипотезу для объяснения движений стола, г-н Квитка прилагает ее и ко многим другим спиритическим явлениям. Иные даже решаются думать, что все дело в *обмане*, производимом медиумами.

Так как спириты вообще заметили, что по отношению к

медиумизму часто встречается у многих ученых самомнение, отсутствие объективности или пристрастность, и так как, по словам упомянутого выше ученого спирита де Моргана, «спиритуалисты, несомненно, стоят на пути прогресса в физических науках, а противники их ратуют *противу оно-го*», то я, не желая идти против прогресса физических наук, воздерживаюсь от суждения о спиритической гипотезе, думая, что мнение родится в вас самих, зато я старался как можно ближе держаться подлинников, составляя все здесь сказанное.

Нельзя мне затем пройти молчанием доводов спиритов в защиту своих мнений и не сопоставить их с мнением лиц, отвергающих существование особого класса явлений, называемых медиумическими, или спиритическими.

Спиритами не рождаются, спиритизму в школе не учат, до него доходят опытом, наблюдением и умом. Это весьма важно для суждения о спиритизме, потому что показывает смелость мысли, самостоятельность и новизну суждения, расширение области знаний. Кто же не ратует за них? Когда вы скажете: «Мало ли в новейшем есть ложного, ни на чем не основанного?» – вам ответят, что явления и даже самые понятия спиритов существовали во все времена, но только ныне их обособили, дали им свою область, готовят сделать науку, которая свяжет учение о материи с учением о духе, скрепит разрозненные звенья направлений человеческого знания. Вы поспешите, может быть, сказать, что нет

нужды говорить о том, что будет, должно остаться пока при современном строе веками выработанных понятий, но тогда вы, вероятно, услышите ответ: «При таком способе действия знание не станет развиваться, передовому не будет места».

Когда вы заявите, что место есть, что вы не желаете стеснять тех, кто верит в спиритизм, а тем паче тех, кто наблюдает спиритические явления, как научные, вы почти, наверное, будете обличены в индифферентизме, косности и самомнении, потому что «каждый неразъясненный факт, который лежит на пути нашего развития, непременно рано или поздно войдет в область нашего сознания, потому что таковы условия, таков путь развития, и другого пути не было и не будет». Согласно с такими возвышенными мыслями, вы обратитесь к этим фактам и укажете на малочисленность спиритических фактов, на их неясность, объясните столоверчение произвольными движениями, подобными массе известных вам других обычных фактов, скажете, что для объяснения других, по сознанию самих спиритов, достаточны гипотезы Фарадея и Карпентера, что часть фактов сомнительна, что много есть простых обманов, считаемых за спиритические факты, что вы не хотите быть исследователем явлений, боящихся света, а потому не видите интереса в изучении спиритизма.

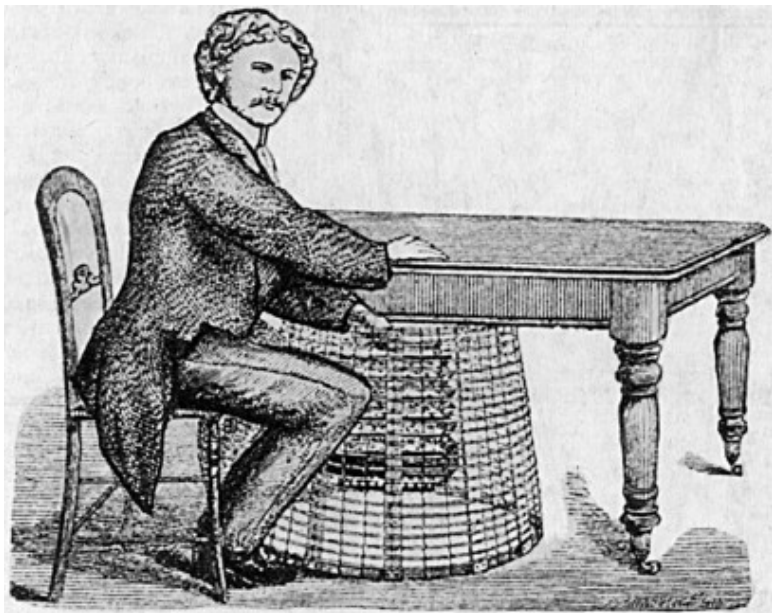
Основатель спиритизма Аллан Кардек

Такая речь совершенно опровергается следующими сооб-

ражениями: «К сожалению, хлеб добывать нужно, и медиумы профессиональные часто помогают себе сознательно, когда дело не идет медиумически, но ведь все это имеют в виду такие громкие имена, как те, которые заявили себя за спиритизм, ведь это все почти натуралисты, биологи, химики, астрономы, математики, и нельзя же предполагать, что они не сомневались. Пришел конец их сомнениям, и они открыто и прямо пристали к учению, отвергаемому преобладающей массой ученых». Далее присовокупляют: «Есть факты несомненные во всех категориях спиритических явлений, засвидетельствованные людьми, заслуживающими полного доверия. Что же вы о них скажете?»

«Да ничего», – часто отвечают спириты. Ведь изучение спиритизма не дало еще пока никакой новой истины, состоит только в рассказах, напоминающих святки, лишено точности, требующейся для научного вывода. Такое легкое отношение к авторитетам науки, по справедливости, заставит напомнить, что Крукс и мерял и взвешивал, исследуя спиритические явления, что подобные же приемы применяли и другие ученые, что чистой науке нет никакого дела ни до того, что выйдет в конце концов из наблюдаемых фактов, ни до того, на что они похожи, что спиритическая наука молода и, как все такие, не богата плодами, – все дело в самой по себе истине, а польза родится. Спиритизм же характеризуется тем, что затрагивает стороны жизни, близкие каждому, его интерес выше интереса многих других классических и ре-

альных знаний. Основой его служат факты, которые каждый может легко проверить, стоит сделать несколько сеансов в известном кружке лиц, которым доверяете, и иметь терпение подождать, чтобы видеть существование еще не понятого.

Юм и его гармоника

Вы возразите: «Знаю, что еще много есть непонятого, что вы сидели, сидели и ничего не видели, кроме движения стола, в чем не видите ни толку, ни пользы для какой-либо

науки, потому что убедились в толчках, которыми незаметно двигается стол, особенно когда устанешь».

Но вы не забудьте, что медиумические способности бывают в разной мере, а потому ваши единичные опыты ничего, в сущности, не говорят. Не только, подобно незабвенному Галилею, можно сказать: «А все-таки столы вертятся», – но и вместе с моим другом Н. П. Вагнером должно прибавить, «что свобода исследования, свобода мысли есть желанный лозунг *последних веков*».

Примешались к этим суждениям упреки, с одной стороны, в гонении, с другой – в чертовщине, потом с третьей – в пиетизме, ханжестве, материализме, позитивизме и т. д.

Где же выход из этого? Что же думать о спиритизме тем, кто хочет следить за успехами наук? Новых ли истин ждать от него или это старые бредни? Ответить может только опыт, веденный со вниманием и беспристрастием. Следует определить прежде всего: совершаются ли в спиритических сеансах в присутствии медиумов явления, не объясняемые известными до сих пор силами природы; для того в опыте, кроме неизбежного медиума, должны участвовать лица, верящие и не верящие в спиритизм, опытные в нем и такие, которые ничего спиритического не знают, но о видах явлений природы имеют точное научное понятие. Первые научат вторых, что делать. Те и другие должны друг другу доверять. Нельзя при этом предоставить окончательного суждения спиритам, потому что они представляют в таком собрании сторо-

ну ту же, к которой относится медиум, а лучше пока и никакого суждения о спиритизме не высказывать, а только записывать, отмечать факты, – обсудить их может каждый, а для собирания наблюдений необходимо иметь условием привычку точно наблюдать и анализировать факты разнообразные и знакомство с общею картиною явлений природы. Такие условия представляются, по моему мнению, в наибольшей мере соединенными между физиками. Физику, занимающуюся разработкою науки, нельзя, как многим другим научным деятелям, особенно на поле описательного естествознания, сузить область своих занятий потому, что у физики нет внешнего объекта изучения, как у химика, астронома, математика, биолога, ему приходится иметь дело попеременно и с математикою, и с механикою, и с областью химических, физиологических и вообще биологических знаний. Физику называют иногда методикою естествознания.

Вот причина, объясняющая внесение вопроса о спиритизме в наше Физическое общество, состоящее с 1872 г. при С.-Петербургском университете и издающее вместе с Русским химическим обществом отдельный журнал, при котором явится отчет о том, что сделали члены его по отношению к исследованию спиритизма. Поводом к внесению вопроса о спиритизме в Физическое общество послужило распространение в нашем обществе занятий спиритизмом. Началось дело в последние годы с медиума г. Юма, развилось под впечатлением сеансов прошлой зимы г. Бредифа. Ру-

ководителями общественного мнения явились гг. Аксаков, Бутлеров и Вагнер, наши апостолы спиритизма. Какие имена! Фамилия первого из них напоминает русскому уху семью горячих и верных искателей истины. Хотя Александр Николаевич Аксаков и работает в иной области, чем дорогие всем нам другие Аксаковы, но родственная связь видна в беззаветной вере, в твердой поступи, в бойком пере и в русской размашистости шагов, какие делает Александр Николаевич, пропагандируя спиритическое учение в России, издавая немецкий журнал «*Physische Studien*», посвященный спиритизму, и принимая на себя немало труда при изучении спиритизма. Имена Александра Михайловича Бутлерова и Николая Петровича Вагнера, моих товарищей по науке и роду деятельности, мне нет надобности освещать вам, я убежден, что вы хорошо знаете их, как передовых деятелей русской науки, одного как известного химика, и другого – как биолога. Бутлеров поверил спиритизму при помощи Аксакова, Вагнер – чрез Бутлерова. Последователи превзошли своего руководителя и горячо взялись за его дело. В наших журналах стали появляться одна за другою статьи с их подписью. Это обстоятельство не лишено значения. Не имей Вагнер и Бутлеров авторитетности как натуралисты, публика не встрепнулась бы, и едва ли наши крупные журналы взяли бы статьи о спиритизме, тем более что печать всюду была против спиритизма. И вот на эту борьбу открыто и прямо пошли мои почтенные товарищи, выступив со своими спиритическими

статьями не в ученых обществах, где было бы настоящее место оригинальному, новому воззрению на явления природы, где место разбора и проверки новых, еще не известных фактов, где борьба ведется и регулируется приемами, установившимися в науке. Они перешли эту дорогу, пошли за А. Н. Аксаковым и прямо на ученых апеллировали обществу.

Портрет А. М. Бутлерова. *Работа неизвестного художника*

Вот причины, заставившие многих задуматься над спири-

тизмом разбирать эту специальность, интересоваться ею так, как ни одно еще новое открытие до сих пор не интересовало. Много вечеров пошло на спиритические сеансы, много остроумия потратилось при разговоре о спиритизме, но вместо пытливости родилось одно любопытство, да на подходящей почве стали развиваться семена мистицизма; они почти не проглянули в печати, не имели той смелости, какую заявили первые ученики А. Н. Аксакова, но существование их видно в частных примерах, вероятно, почти всем вам более или менее известных. А мистицизм – детство мысли, развитие его – застой, а не прогресс знания, за который так смело и прекрасно говорят наши спириты.

Н. П. Вагнер

Чтобы противодействовать распространению мистицизма, чтобы удостовериться компетентным образом в суще-

ствовании спиритических явлений, чтобы удовлетворить склонности к пытливости, чтобы снять наконец с ученых упрек индифферентизма, который дает спиритам многих адептов, образована была в майском заседании сего года при Физическом обществе комиссия, составленная только для рассмотрения спиритических или медиумических явлений, при чем выражена была надежда, что наши спириты не откажут комиссии в возможности видеть, испытать и подвергнуть разоблачению, если обман существует, те явления, которые совершаются в присутствии медиумов. Можно надеяться этим путем дойти до истины и если есть в самом деле что-либо еще неизвестное между явлениями, считающимися за спиритические, то будет случай встретиться с ним.

Первые два майские заседания комиссии были учредительными.

Господа Аксаков, Бутлеров и Вагнер, как и должно было ждать, с радостью приняли участие в занятиях комиссии, разъяснили ей многое, учили членов ее, что должно делать для успеха сеансов. Мы слушались этого все время и будем, по возможности, продолжать делать это, чтобы не было речи о том, что устранены условия успеха ожидаемых явлений. Мы желаем успеха, будем терпеливо ждать его; а когда он будет, когда явится необычайное, будем мало-помалу изменять условия опыта, потому что не все же время мы будем действовать под указкой спиритов, мы собрались для того, чтобы осветить спиритические факты, а не прямо записыва-

емся в число спиритов.

Дело было организовано следующим образом: комиссия постановила первоначально заняться простейшими медиумическими явлениями, более доступными изучению, считая медиумо-пластические наиболее сложными. Ведь, в самом деле, не удобно же было бы начать дело прямо с образования частей тела или целых фигур, как неудобно ознакомление с химическими соединениями начать с изучения веществ, образующих тело животных или растений.

На свои занятия комиссия назначила время с сентября 1875 по май 1876 г. и постановила составлять после каждого заседания протоколы, в которых подписываются свидетели со стороны медиума, число коих предположено не более трех.

Со своей стороны, А. Н. Аксаков обещал позаботиться о приискании медиумов, столь необходимых для вызова спиритических явлений. И с каким успехом выполнил он это! Осенью, в конце октября, А. Н. Аксаков привез из Нью-Кэстля двух медиумов, г-д Петти, и предложил еще медиума г-на Монка, живущего в Бристолле. Комиссия предложила начать с теми, кто уже есть, тем более, что медиумические способности г-д Петти Александр Николаевич лично удостоверил и подтвердил свои слова, цитируя 16 печатных заявлений о медиумизме Петти, найденные им в спиритической литературе. С г-ном Монком предположено начать сеансы в январе 1876 г.

Сеансов комиссии с медиумами Петти было шесть, но два первых назначались для ознакомления медиумов с лицами, принимающими участие в сеансах. Во всех сеансах со стороны медиумов свидетелями были г-да Аксаков и Бутлеров. Местом сеансов служила моя квартира в нижнем этаже здания университета. Одна комната с двумя большими окнами и нишей была избрана А. Н. Аксаковым, и в ней была устроена загораживающая нишу и идущая с полу доверху шерстяная занавесь с пространством сзади нее, достаточным для помещения стула.

В предварительных заседаниях комиссия познакомилась с г-дами Петти. Приехали отец и два его сына. Отец не медиум, по словам свидетелей. Он бывший кузнец и каким-то случаем потерял одну ногу. Медиумы – его два сына, Уильям и Жозеф. Старшему из них лет 17–19, младшему лет 12–14. Оба они бодрые на вид, славные мальчики, особенно младший, в глазах которого виден ум и любознательность. Говорят они на жаргоне, трудно понимаемом, переводил их речи нам все тот же неутомимый А. Н. Аксаков.

Специальность медиумов Петти, по словам свидетелей составляют:

1. Сеансы в полутемной комнате перед занавеской, когда колокольчик ставится на полу за занавеской и медиумы сидят перед занавесью. Спиритическое явление, ожидаемое при этом, есть звон колокольчика.
2. Сеансы младшего медиума около стола, при слабом све-

те, когда вблизи положена пропускная бумага (бибула). Ожидаемое спиритическое явление составляют капли на бумаге.

3. Сеансы в совершенно темной комнате вокруг стола, когда присутствующие держат друг друга за руки, а на столе поставлена клетка с запертым внутри ее колокольчиком. Ожидаемое спиритическое явление составляет движение всей клетки и отдельно звон колокольчика.

Другие роды медиумических явлений, сколько известно, не совершаются в присутствии Жозефа и Уильяма Петти. Был приготовлен особый стол с манометрами, могущими показывать меру давления рук на стол, но попытки за этим столом были неудачны, стол не двигался, потому вероятно, что столоверчение не относится к специальности медиумов Петти.

В сеансах, когда посторонний свет, попадающий от окон, устранен двойным слоем наколоченного на окно коленкора, когда свет лампы был убавлен до полутьмы, а музыкальный ящик заведен и играет, медиумы Петти легко впадают в транс и тогда ведут разговоры от имени духов, из которых одного зовут Чико, другого не помню как. В этом разговоре часто являются требования содействовать успеху сеанса уменьшением света, определенным расположением присутствующих и иногда предначертания условий на будущие сеансы. Все предписываемое при этом исполнялось членами комиссии всегда с одинаковой готовностью и пунктуальностью.

Вот обстановка четырех сеансов, которых протоколы я теперь буду иметь честь прочесть вам. Они подписаны присутствовавшими членами и свидетелями со стороны медиумов.

(Читаны затем протоколы 6, 7, 8 и 9-го заседаний комиссии, см. первый отдел.)

Столоверчение

После заседания 20 ноября комиссия, ожидающая, согласно желанию Александра Николаевича, еще 36 сеансов с медиумами, имела еще одно, 10-е из своих заседаний, 21 ноября текущего года. В нем комиссия обсуждала виденное у братьев Петти и пришла к заключению... Вместо него я считаю более удобным рассказать следующий случай, памятный мне со времен моего студенчества и рассказанный нашим бывшим профессором ботаники Шиховским. Имена я забыл, но сущность дела, кажется, ясно помню.

Где-то, кажется в Японии или Китае, путешествовал некоторый весьма известный ботаник, интересовавшийся местной флорой; он особенно занимался новыми формами растений и был очень рад, когда их находил. Один из туземцев, знавший страсть ботаника к новым растениям, доставил ему из одного трудно достигаемого места несколько экземпляров совершенно нового растения с цветами. Растение это описано и изображено. Оно представляет формы действительно необычайные, небывалые сочетания частей, можно сказать, совершенно из ряду вон всех понятий ботаников. Ботаник окрестил его именем, о нем писал мемуары, только другие останавливали недолго внимание над его формами – ибо они были недостижимой редкостью, уникалы, да притом никто из ботаников сам его не видал в живом состоянии. Кто-то из

знатоков дела анализировал описание и рисунок, нашел, что цвет представляет сочетание таких-то и таких далеких друг от друга семейств растений, а потом хорошенько порассмотрели имевшиеся экземпляры, и оказалось, что цветок склеен весьма искусно из частей, взятых от разных растений.

Вы ни минуты не станете затрудняться в приискании слов, характеризующих поступок туземца. Вы, однако, не бросите камнем в ботаника, которого обманули, пользуясь его страстью к науке.

А я прибавлю от себя, что не осудил бы ботаника, если бы он поместил в «Русском вестнике» статью о новом найденном им растении и о переполохе в ботанической систематике, вышедшем из-за нового растения, но, может быть, восстал бы против его речей, когда бы он стал строить на единичных виденных им фактах новую систему упреков ученым в ретроградности их понятий – за то, что они не поспешили переполошиться. Так восстаю я здесь против упрека в том, что противники спиритизма служат представителями тех, которые всегда ратовали против прогресса, а это написано в статье моего почтенного друга и товарища А. М. Булéroва на страницах «Русского вестника» за ноябрь 1875 г. В горячке защиты своих мнений, спириты не замечают, что поступают неосторожно, притесняют людей науки.

Но, господа, это дело домашнее, так или иначе, мы сами в нем устроимся.

Ваше внимание и участие обратите на других, пожертвуй-

те действительно притесненным, борющимся и страдающим, восставшим, наконец, в Балканах против своих притеснителей. И у них явился дух, но какой могучий и бодрый. Со стороны родной видно, что этот рано или поздно победит. Вот их и поддержите.

ДВА ПУБЛИЧНЫХ ЧТЕНИЯ О СПИРИТИЗМЕ

24 и 25 апреля 1876 г.

в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым и школ и Русского технического общества, читанные в С.-Петербурге, в аудитории «Соляного Городка»

Д. МЕНДЕЛЕЕВЫМ

Лет за 20 тому назад в Америке, а затем и в Европе, стало распространяться то спиритическое учение, которое в наши дни поддержали многие ученые. Они связали и словами и мыслями новое с явлениями древней индийской магии, перепутали с суевериями и стремятся сделать из всего учения, выражаясь их словами, «мост для перехода от знания физических явлений к познанию психических». Кому же не лестно быть строителем такого моста! Однако школы, ученые и литераторы, сочувствуя которым, вы собрались здесь, не погнались за концессией на этот мост, не приняли учения спиритов, посмотрели на него, как на старые сваи, на которых давно и безуспешно задумана была подобная постройка, не ступили на гнилое дерево. Отвергнутое приютилось в кружках, но недавно выступило смелее, захотело иметь новых адептов, стало для того клеймить неверящих, громко

утверждало непризнаваемое – и успело поколебать немало умов. Признайте только, говорило оно, эти факты реальны и правдивы, а следствия из них сами. Да, эти следствия у всех на памяти, их слышали от нянюшек, – и многие вспомнили и соблазнились. Старые суеверия выплывали. В этой связи давних суеверий с новым учением – весь секрет интереса к спиритизму. Разве стали бы столь много писать и говорить о любом другом ученом разноречии, не стой тут сзади дух, няня, и любезное многим детство народов. Помирили сказку с наукой – это увлекательно, и спириты свое сделали – заставили говорить и разбирать их учение. Их расчет прост, хотя и ошибочен: они надеются найти поддержку в массах, мало знакомых с науками. Они и помнили и забывали, что эти массы имеют свой здравый смысл – верный союзник наук и движения, что они, однако, идут за немногими, что наука не преследует, не сжигает, не налагает запрещений, что она не боится движения вперед, но они упустили из виду, что для науки безразличен приговор масс и отдельных ученых, что наука уже не ветреное дитя, что она зрелая мудрость времен, что против их оружия можно действовать подобным же, что научное поле им придется взять с бою...³

Но довольно для уяснения общей картины – обратимся лучше к подробностям, они отчетливее рисуют положение вопроса. Начальное физическое явление спиритизма составляют стуки, раздающиеся при наложении рук на стол, и движения самого стола. Весьма скоро убедились опытом, что

спиритические стуки могут слагаться условным образом в осмысленную речь; заметили затем, что разговор стуками (тюпотология) имеет смысл, какой бы придал речи медиум или то лицо, сидящее за столом, в присутствии которого стуки происходят. Ничего иного в речах спиритических сеансов не узнали, кроме того, что могли бы услышать из уст медиума.

Физическая сторона дела несомненна, т. е. стуки в спиритических сеансах происходят. Вопрос состоит в том, что стучит и обо что? Тут не два первичных вопроса, а один. Всякий стук есть колебание воздуха, следовательно, для произведения звука нужно средство привести воздух в колебательное состояние. Спрашивается поэтому: что же приводит здесь воздух в колебание?

На это отвечали весьма различно, и вот шесть главных вариаций ответов.

Медики, исследовавшие лиц, в присутствии которых звуки совершаются, нашли, что некоторые суставы и связки этих лиц могут производить самостоятельные звуки. Подобное этому происходит и при разговоре и при чревовещании – звучит внутренний орган тела. Здесь, значит, содрогается часть тела медиума. Произвольно или невольно издают звуки части тела медиумов – до этого не касались; да и нет нужды: пусть это будет произвольное движение, никому не было интереса его исследовать. И все же от стучащего нельзя

ожидать ничего иного, кроме того, что ему известно, а потому ясна причина того, что лицо это не может ничего иного высказать в сеансе, кроме того, что им ранее приобретено или узнано. Это будет тем более так, когда лицо это производит спиритические стуки преднамеренно и сознательно. Назовем эту гипотезу о природе спиритических звуков *органической*.

Вторая гипотеза состоит в том, что, при наложении рук на стол происходят мускульные напряжения, которые выражаются колебательным их состоянием; в это состояние приходит и стол. Медиум, при известном напряжении воли бессознательно или намеренно, накопляет и суммирует эти мускульные движения в толчок, отвечающий потребному моменту. Здесь опять становится понятным то обстоятельство, что в речах, слагаемых спиритическими стуками, не слышно ничего иного, кроме того, что можно узнать от лица, звуки производящего. Гипотеза, высказанная здесь, может быть названа *механической*, потому что источник звука по этой гипотезе лежит в колебании стола или вообще предмета, к которому прикасаются части тела. Звучат стол, пол и другие предметы, к которым прикасается медиум.

Затем следует гипотеза *магнетическая*, которую с особым успехом развивает Шевиллар (A. Chevillard) в своих «*Etudes experimentales sur certains, phénomènes nerveux et solution rationnelle du probleme spirite*» (2 edit., 1875). Гипотеза состоит в том, что допускается нервная невесомая жидкость или

нервный ток, подобный гальваническому, посылаемый волею и жизнедеятельностью от мозговых центров к органам тела. Нервы считаются проводниками такого тока. Припомните – еще Гальвани утверждал нечто подобное на основании своих классических опытов с лягушкой. Магнетизеры держатся подобного учения и поныне, хотя, со времен Вольта, в науке укрепилось иное мнение об опыте Гальвани. Животно-магнетическая гипотеза Шевиллара принимает, что вся поверхность тела людей испускает некоторую нервную жидкость находится в некотором напряжении и подобно тому, как наэлектризованное тело рассеивает электричество, испускает из себя эту невесомую материю, приводит соприкасающиеся предметы в особое напряжение – сила преобразуется. Полагаю далее, что нервная жидкость может скопиться и переходить скачками, каплями, темными искрами и т. п., по воле лиц, сумевших управлять внутренним распределением нервной жидкости в своем организме. Эта жидкость может выливаться в некоторых случаях разом и тогда производит спиритический стук, подобно тому как у электрических скатов, или рыб, электрическое напряжение может передаваться электрическим ударом. Задатки этой гипотезы давние. В сочинениях Лавуазье есть отчет (1784) об исследованиях над животным магнетизмом. Там резюмировано учение Месмера, начинающееся пышною речью: «Всюду есть жидкость, легче ощущаемая, чем описываемая: Ньютон ее назвал *эфирною средою*; Декарт – *всеобщим двигателем*;

философы – *мировым началом*. Свет, звук, запах передаются при ее помощи...» – и пошел в это поле. Много с этими понятиями бились, много раз доказывали, что фикция Месмера не приложима к фактам, что воображение – первый деятель в опытах магнетизеров. И все-таки эти понятия выплывают. Шевиллар стоит на этом же пути, хотя его мнение и заключает свои особенности. При его гипотезе, как и при двух предшествующих, совершенно ясно, почему в речах, слагаемых при помощи спиритических стуков, нет иного смысла, чем в речах лиц, сидящих за столом.

Эти три гипотезы, на мой взгляд, не заключают в себе ничего невозможного, и, будь опыты, их утверждающие, несомненны, их принял бы каждый натуралист. Они составляют центр многих других гипотез, объясняющих естественным образом спиритические стуки. Но есть две другие, крайние, диаметрально противоположные гипотезы, назначенные для объяснения стуков и других медиумических явлений: одна есть *гипотеза спиритов*, допускающая духов как причину стуков и других медиумических движений, а другая есть *гипотеза обмана*.

Гипотеза спиритов состоит в том, что души умерших не перестают существовать, хотя и остаются в форме, лишенной материи. Известные лица с особым развитием органической природы, могут быть *посредниками*, «*медиумами*», между остальными присутствующими и этими духами, повсюду находящимися. В спиритическом сеансе от присутствия

медиума духи становятся деятельными и производят различного рода физические явления и, между прочим, стуки, ударяя о тот или другой предмет, близкий к медиуму, и отвечая условным образом на вопросы, к ним обращенные. Гипотеза эта не объясняет прямо того, почему в речах духов отражается ум медиума, отчего у интеллектного медиума речь духа иная, чем у неразвитого. Чтобы помирить это наблюдение с мыслью о духах, допускают глубокое влияние медиума на духов: под влиянием глупого медиума и умный дух тупеет, а глупый под влиянием интеллектного медиума становится гораздо более развитым. Дух ребенка или жителя другой планеты может говорить только то, что знакомо или мыслимо медиумам, словом, по гипотезе спиритов, дух становится рабом медиума. Вот эта-то идея, столь сходная с идеею гномов и ведьм, чертей и привидений, и послужила главным поводом к распространению и обособлению спиритического учения. Говорят, что в Америке спиритическое учение пошло в ход благодаря некоторой комбинации с женским вопросом. В 50-х годах там этот вопрос времени был уже в значительном развитии. Медиумами же оказались по преимуществу женщины. Этим обстоятельством воспользовались. Образовались кружки, у которых основною идеею было доброе стремление к перемене тягостной во многих отношениях современной обстановки и к достижению лучшей при помощи спиритизма. Рассуждали так: женщина менее сильна, чем мужчина, оттого женщины зарабатывают меньше муж-

чин, которые, кроме того, изобрели себе в помощь множество механических деятелей, пользование которыми также требует не только силы, но и навыка, учения. Истинное равенство наступит только тогда, когда женщина будет в состоянии доставлять одинаковое с мужчиною количество работы, и вот в спиритизме нашлось легкое для того средство. Если духи в состоянии производить звуки, значит, они производят механическое движение, работу; оказалось затем, что они способны вращать столы; так отчего же им не вращать машины?

A. MESMER

D'ac. M^o de la Faculté de Médecine de Paris en Chaire.

*L'ordre a M^o de la Faculté de Médecine de Paris
Par qui ont été imprimés ses ouvrages
Pour en faire un recueil qui servira de base
A son art et à son système, il n'a point de rival
Et le monde tout entier le suit et l'admire.*

Paris, B. P. P. P.

Ф. А. Месмер

Спиритизмом стали интересоваться для того, чтобы получить даровых двигателей.

Надеялись, что женский организм доставит этим путем со временем, когда, изучив дело, овладеют силами духов, значительное количество даровой работы, которой можно воспользоваться для практических целей. Не знаю насколько справедлив этот рассказ, но он дышит американскою практичностью.⁴ Не подлежит, однако же, никакому сомнению, что в спиритизме многие, не удовлетворенные современным строем идей, современными принципами, видят какой-то исход к лучшему в будущем.⁵ Грубый материализм некоторым, довольно странным, образом стремятся помирить с нравственными принципами, с поэтическими грезами. Ошибку расчета Полонский отлично выставил в своем прелестном стихотворении «Старые и новые духи», помещенном в «Неделе».⁶

Гипотеза спиритов оказалась удобною для всех тех, кто не оставил еще уверенности в существовании приведений, домовых и тому подобных воображаемых интеллектных существ; но она недопустима при современном строе понятий, господствующем с тех пор, как поняли, что сожигание за колдовство есть одно и то же, что и преследование религи-

озных верований. Восстают против спиритизма преимущественно потому, что со спиритическими явлениями теснейшим образом связана изложенная гипотеза о духах. Самое учение о стуках и движениях, материализации и т. п. получило свое название вследствие того, что верящие в эти явления неразрывно связывают признание их реальности с гипотезой о духах.⁷ Шевиллар, проводящий понятие об изливающейся нервной жидкости, и тот, хотя допускает ни на чем не основанное понятие о существовании самостоятельного нервного тока, исходящего из организма, – и тот со смехом отвергает гипотезу спиритов.

*Joh. Heinrich Jung,
auch genannt Stilling.*

Gezeichnet von Hans Ruder.

im April 1787.

А спириты говорят часто, что современники – грубые материалисты, особенно естествоиспытатели, не признают их гипотезу, потому что ее боятся – она рушит будто бы все. Натуралистам, однако, не чуждо, а напротив, вполне свойственно допущение гипотез на первый взгляд бездоказательных, фантастических, духовных, предвзятых; так, например, они признали жизнь во всем мертвом, движение в каждом твердом теле, в каждой малейшей частице жидкости, чрезвычайно быстрые поступательные движения в атоме газа. Для них оживотворено то, что в общежитии считается неподвижным. Им немислимо ныне представление о малейшей частице материи, находящейся в покое. Со времен самого Ньютона они не довольствуются даже допущением притяжения на расстояниях, ищут для его объяснения посредствующей среды. Они свободно принимают и обсуждают самые разнообразные допущения, могущие осветить понятие о притяжении и отталкивании. В частичке вещества химик видит, как бы ощущает отдельные части, независимые органы и общую связь частей; словом для него это есть целый организм, живущий, движущийся и вступающий во взаимодействие. Все работы химиков этим проникнуты, и они знают, однако, что не доберутся до того, чтобы выделить и видеть эту частичку, как выделяют растительную клетку. И это все отвлече-

ния, не менее далекие от обычных явлений, чем то, по которому воображают существование духов. Следовательно, не из-за грубости фантазии, не из-за прошлого резонерства, – которое гласит часто: «Вынь да положь – тогда поверю», – естествоиспытатели отвергают гипотезу духов. Одни гипотезы они признают, проверяют, в их смысле работают, другие резко отвергают. Гипотезу об истечении световой жидкости как о причине световых явлений отвергли и заменили ее другою, гипотезою колебаний невесомой, не знаемой, всюду находящейся жидкости, хотя за первую говорил Ньютон, а за вторую только менее известный его современник – Юнг. Та и другая одинаково фантастичны, и в этом отношении одинаково подобны гипотезе хоть бы спиритов. А как часто приходится слышать упреки натуралистам в грубом материализме!

Признать ту или другую гипотезу или ее отвергнуть волен всякий, но не всякий ученый и не каждый раз говорит – как наука. Наука существует отдельно от ученых, живет самостоятельно, есть сумма знаний, вырабатываемых всею массою ученых, подобно тому как известное политическое устройство страны вырабатывается массою лиц, живущих в ней.

Авторитетна наука, но не отдельные ученые. Ученый только тогда может и должен пользоваться авторитетом, когда он следует за наукою, подобно тому как в благоустроенном государстве авторитетом власти пользуется только то лицо, которое блюдет законы.

Для объяснения данного явления всегда возможно составить много гипотез, и признание той или другой из них тем или иным ученым есть дело личного вкуса; но в науке укрепляются, т. е. научными гипотезами становятся и затем незаметно переходят в жизнь, в школу, в литературу только те, которые обставлены целым рядом исследований, принятых массою ученых, подобно тому, как законом становится то, что приобрело в стране известную формальную обстановку. Гипотезу о духах наука отвергает, хотя есть такие ученые, которым она пришлась по вкусу.

Пусть медиумические стуки раздаются, – пусть они реальны, составляют факт несомненный. От этого спиритическое учение ни на волос не двигается вперед. Спиритам, утверждающим, что эти звуки производятся духами, да им, а никому другому, должно затем доказать, что ни органическая, ни механическая, ни магнитная гипотезы не пригодны для объяснения причины медиумических звуков, что в них нет ни самообмана, ни обмана и затем, что спиритическая гипотеза состоятельна, фактам удовлетворяет – ничему известному не противоречит, составляет шаг познания вперед. Так должно было бы идти спиритам, если бы они желали следовать по пути действительного научного прогресса. А они взяли путь, каким распространяются суеверия: «Поверь, я говорю не лживо. Не думай, а признавай – остальное придет само; истина прекрасна. Не мечтай о себе много – ты еще ничего не знаешь». Этот кодекс слышали люди и прежде, услы-

шат и еще не раз. Он чужд науке. Она не рвется к тому, чтобы ее признали. К ней идут, ее ищут – она ни в ком не нуждается. Ее адепты – люди со всеми их свойствами, а она, хоть и их дело – чужда людских пороков, не гонится за признанием. «Не верите – ваше это дело, у меня есть свое поле, придет время – узнаете и сами. Затворитесь – я пройду. Мне не надо ни мучеников, ни апостолов. Только размышляйте, не живите как растения». – Вот что гласит наука. И этого – держится масса ученых. Тут есть еще следы затворничества. От этого-то и мало популяризации истинной науки. Уверен, что дело со временем изменится, но это будет еще не скоро, многое до того изменится – раньше, много до той поры должно пропасть суеверий.

Итак, современная наука отвергла гипотезу духов не потому, что боится ее, не из-за ее бойкости, а от того, что спириты хоть и ставят ее, но ничем не доказывают, не связывают с готовым уже запасом знаний, стройность развития которых такова, что лозунгом наук стало понятие о единстве сил природы.

Прямо противоположна гипотезе спиритов *гипотеза обмана*, по которой причиной спиритических явлений служит обман, производимый медиумами в сеансах. Сами спириты помогают распространению этой гипотезы, потому что окружают медиума мистической обстановкой: темнотою, полутьмою, удаляют, когда вздумается, наблюдателей, в особенности не доверяющих спиритизму, – считают спиритические

явления капризными, редкими, трудно уловимыми, так сказать духовными. Ученый любит капризные явления, редкости – уникалы. Он стремится проникнуть в их тайну и бережно до поры до времени сам блюдет ее, ревниво закрывает от других, пока не добьется ее раскрытия.⁸

По гипотезе обмана объясняли стуки снарядом, спрятанным под платьем медиума, или движением, нарочно производимым каким-либо другим образом, например трением рук о прикасающиеся предметы или движением стула или стола по полу и т. п. Это кажется иным очень пошлым, чересчур обыденным, оттого ненаучным. Надо заметить, однако, что наука не прихотлива – ничем не брезгует. Снятие фотографических портретов с духов умерших объяснилось подлогом, производимым фотографом, снимающим на одну пластинку двукратные изображения. Звон колокольчика, появление рук и целых человеческих фигур, по этой гипотезе, есть дело такой же ловкости, какою отличаются фокусы и тому подобные магические представления. Существование этой гипотезы основывается на множестве общеизвестных фактов, когда спиритические медиумы были изловлены в обмане. Известны, вероятно, вам многие процессы, в которых обман медиумов был изобличен на суде.

Гипотеза обмана выводит из себя спиритов; они говорят: «Да, мы видим, мы свидетельствуем, что обмана нет, мы сами следим за медиумами, мы также не упускаем из виду возможности обмана; но его нет в тех медиумических явлениях».

ях, которые мы описываем, хотя обман и возможен в сеансах». Просят обыкновенно указать – да как же делается то-то и то-то? Требуя на то доказательств. Забывая, что сами должны доказывать, – они становятся обвинителями. Те же из спиритов, которые действовали на каком-либо ученом поприще, обыкновенно при этом прибавляют: «Ведь верите же вы тому, что я открыл то-то и то-то, хотя сами этого не поверяли; отчего же вы не верите тому, что я утверждаю на этот раз?» При этом смешивается признание факта и объяснение, ему придаваемое. Факт может быть совершенно верен, т. е. стуки могут быть, стол может качаться и подниматься, и это спирит, верящий духам, рассказывает совершенно точно; но из этого, однако, вовсе не следует, чтобы верно было и то его заключение, что обмана нет, что спиритические явления составляют научную новость. Утверждают, что обманывает медиум стучащий, медиум-фотограф или брата Эдди или Уильямс, а не те ученые, которые описывают виденное. Эти только не видят обмана. Требуя доверия к умозаключению, а выставляется на вид недоверие к свидетельству чувств. В среде ученых есть обычай вовсе не говорить об обмане – и этот обычай блюдет строго. Ведь наука – поприще свободное, ведь никто не толкает на него, зачем же обманывать или подозревать обман в свободном деятеле. Но бывает и здесь обман. Однако ученые сами были чаще всего жертвами обмана, и никто этого им в порок не ставит и ставить не должен. Медиумов между учеными никого неизвестно. Неуже-

ли и на медиумов перенести привилегию ученых?

Допускают гипотезу обмана чаще всего только потому, что она проста, и к обстановке спиритизма совершенно подходит, не требует натяжек, словом, естественна.

Спириты приводят два возражения против гипотезы обмана. Это – личный опыт и существование медиумов, которые за сеансы денег не берут. О личных опытах много писано. Есть показания совершенно достоверные, но тогда много – что столы двигались, да слышны стуки, а это за спиритизм не говорит, ведь каждый может то же сделать; другое же подходит под шестую гипотезу, о которой дальше. Что же касается до вольнопрактикующих медиумов, то вспомните только лиц, каждому из вас известных, которые любят лечь, с апломбом спорят подчас с медиками; есть истинные любители лганья, есть ведь и такие, которые если чему-нибудь поверили, так поверят уж нацело, всей натурой, так отчего же не стать и медиумом? А главное то: разве не лестно быть посредником между сим и тем миром? Читайте, кроме того, Диксона – он умеет все это рассказать. В его сочинении «Духовные жены» дело спиритизма и тому подобных суеверий написано в образах. Тут они-то и нужны, в них виднее правдивость доказательств, будто бы отвергающих гипотезу обмана.

Как бы для противовеса двум общим доказательствам, часто приводимым спиритами противу гипотезы обмана, можно привести для ее подтверждения два общих соображения.

Во-первых, замечательна *безвредность медиумических опытов* для испытывающих медиумическую силу, для зрителей. Исследование неизвестных сил природы, а тем паче производимое людьми малосведущими, весьма часто приводило к неудобствам, несчастьям и т. п. Ведь силы природы лишены людской деликатности, осторожности: медикам часто достается терпеть от больных, сколько знаменитых химиков – об одном глазе, сколько пострадало и сильнее. От громовых искр, от взрывов при опытах – погибло немало жертв науки. На представлениях фокусников этого не бывает. Не слышно этого и про медиумические сеансы. А дело здесь, говорят, идет о духах. Они вдруг оказываются такими же деликатными, как и живые люди; они как будто боятся привлечь суд, публику, полицию. В самом деле, на медиумических сеансах дело делается прилично, осторожно. Вынут платок, дернут его, возьмут кольцо и возвратят, материя, говорят, творится – дарят ее, но не пропадает, не рвется; слышны удары, но не очень громкие, а когда в сеансе дамы, тогда не гадают о числе прожитых лет. Да и совершается-то все на сеансах ожидаемое, редко бывают сюрпризы. Не таковы неведомые силы природы, они не деликатничают с дамой, действуют неожиданно.

Другим общим соображением, подтверждающим тождество медиумов с фокусниками, служит *специальность* медиумов. Там и тут нужно определенное лицо, знающее нечто в совершенстве. У иного медиума дело делается пред занавес-

кой, и из-за нее вылетает колокольчик, у других этого не выходит, а для убеждения в правдивости требуется темнота и связывание, третьи искусились над подбрасыванием столов незаметным образом, четвертые умеют незаметно брызгать слюнями. Точь в точь, как иные фокусники показывают опыты с картами и голубями, другие с монетами и шляпами и т. д. Да не будет это сравнение в обиду господ фокусников. Они, впрочем, поняли, что спиритические медиумы их соперники, могущие с гипотезою о духах отвлекать от истинных, честных фокусников их зрителей, и потому всюду ведут открытую войну с медиумами, сами показывают все, что выдвывают медиумы. У иных, например, отлично столы подбрасываются, просто летают неведомо как. Но, кажется, что фокусники не дошли еще до всего, – и это их сердит.⁹

Очень характерно, что одна дама, забыл только имя, – слышал в Англии, – сперва показывала фокусы, а потом стала медиумом. Спириты не только ей верят, они даже говорят по этому поводу, что есть много фокусников, которые все делают медиумическими силами, только это скрывают, зная всеобщее предубеждение против медиумизма.

Для гипотез органической, механической и магнитной нет точных научных доказательств, есть, однако, возможность; для гипотезы обмана – есть доказательства юридические, одни возможно точные здесь. Для гипотезы спиритов нет никаких доказательств, мало и для шестой гипотезы о *самообмане*, галлюцинации, экстазе верования, предвзятой идее и

тому подобных понятиях. Согласно ей иных спиритических явлений нет вовсе, а они только кажутся тем, кто их ждет. Так, описывая сеанс с Юмом, Суворин пишет: «Дамы вообще любят преувеличивать вещи; холод, чувствуемый на поверхности рук, я приписываю чисто воображению, обману чувств, который в подобных сеансах, по моему мнению, играет весьма значительную роль. В этом всего легче было убедиться на моих соседках, из которых одна... постоянно бралась за лицо свое и говорила, что чувствует к нему прикосновение чьих-то пальцев». Эта гипотеза субъективна и при современных приемах науки не может быть обставлена надлежащими прямыми доказательствами, потому что, по сущности, представляет абстракт, а мы еще не умеем доказывать их объективно.¹⁰

Скажите соседке Суворина, что ее никто не трогал. Она с полным правом будет утверждать противное. Она могла видеть того самого духа, который трогал ее, – другие только не видали, и вы ее ничем не уверите, что духа не было. Она, пожалуй, вас же будет еще жалеть, что ваша натура настолько груба, что духовного видеть не может.

На гипотезу самообмана могут с одинаковым правом опереться как те, которые признают спиритизм, так и те, которые, его отвергают. Недавно Н. П. Вагнер утверждал, что нечто, виденное мною в медиумическом сеансе, было моею галлюцинацией, зависящею будто бы от предвзятой моей идеи на счет того, что медиумических явлений не существу-

ет. Оставаясь на подобном поле, легко впасть в тот род идей, по которому внешнего мира не существует, он только представляется нашему уму. Замечу, однако, что гипотеза самообмана почти не имеет веса при наблюдении данного явления сразу многими наблюдателями, а особенно при наблюдении с помощью приборов, которые, преобразуя известное явление, дают некоторое другое, оставляющее след.

Естествоиспытатели стараются всегда обставить свои наблюдения и опыты такими условиями, уменьшающими шанс самообмана. Я не стану более возвращаться к гипотезе самообмана. За нее есть авторитеты, но для практики изложения она неудобна. Одно *видоизменение* этой гипотезы, однако, может применяться. Предубеждение, экстаз, и это, несомненно, могут помрачить не глаза, а разум. Это может быть показано с очевидностью. Немало этому видим примеров в развитии спиритизма и у нас.¹¹

Итак, есть спиритические явления и шесть родов гипотез, их объясняющих. Хотя спириты тесно связали свою гипотезу с самым существованием спиритических фактов, утверждая, что видевшие спиритические явления не могут подыскать ничего лучше их объясняющего, чем гипотеза духов, однако, разбирая спиритизм вообще, должно ясно отличать факты от гипотез. Спиритическая гипотеза может быть совершенно неверною, а спиритические факты могут быть самостоятельны, не зависеть ни от обмана, ни от самообмана, происходить, например, от нервных токов или согласно ги-

потезе органической или механической. Можно восставать, бороться против гипотезы, но мириться с фактами; но можно также быть спиритом по духу и не признавать спиритических фактов; есть и долго еще будут люди, верящие в чертей и отвергающие спиритические факты.

Отлично выставлено подобное положение вопроса о спиритизме г-ном Достоевским в его № 1 «Дневника». Когда же рассматривается спиритизм, с чьей бы ни было стороны, – нельзя избежать связи между фактами и их объяснением. Допустим, что все эти факты – обман или самообман, должно отвергнуть самые факты, как реальные. Допустим духов, способных принимать материальные формы, производить стук и другое движение материи (стола, колокольчика и т. п.), – должно исключить самообман и обман. Можно притом думать, что одни явления действительны, другие кажущиеся, третьи обманные, четвертые физические, что есть и органические и т. д. Констатировать факт как *медиумический*, не значит просто описать виденное и признать одну из четырех первых гипотез, а значит непременно отвергнуть две последние. Следовательно, рассматривая спиритизм, необходимо вдаться в поле гипотез: одни отвергнуть, другие признать; иначе нет и рассмотрения.

Предлагая в мае прошлого года в Физическом обществе учреждение Комиссии для рассмотрения спиритических явлений, я был проникнут этими последними мыслями. Желание комиссии при учреждении состояло именно в том, что-

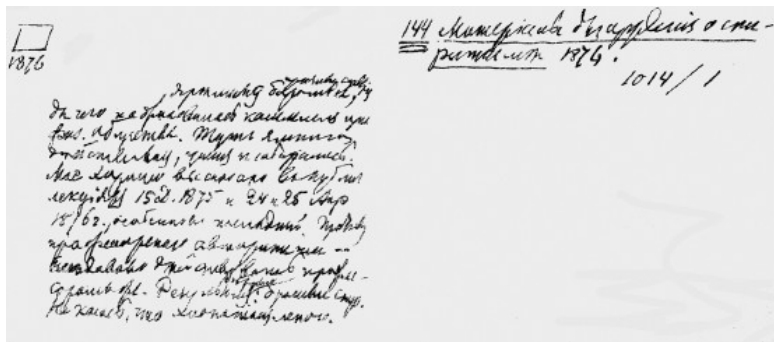
бы снять со спиритизма путем исследования печать таинственности, выделить, коли найдутся, между медиумическими явлениями не подложные, такие, которые достойны дальнейшего исследования ученых при современном состоянии науки. Первое подробное, со всеми мотивами, известие об учреждении комиссии дал в газетах Александр Николаевич Аксаков, напечатавший целиком мое заявление, сделанное в Физическом обществе. Двенадцать членов этого общества, образовавшие комиссию, не были спиритами ни со стороны фактической, ни со стороны гипотезы, т. е. фактов они не видели или видели мало, многие из них им казались подозрительными; в спиритическую же гипотезу никто не верил. Путь, который был избран комиссиею для достижения своей цели, состоял в том, что пригласили (на то было уже предварительное согласие) трех всем известных представителей у нас спиритизма, г-д Аксакова, Бутлерова и Вагнера, показать пред лицом комиссии те спиритические явления, которые они считают за несомненные.¹² Они рекомендовали обратиться к медиумам. А. Н. Аксаков обещал доставить таких лиц. Должно было думать, что в явлениях, которые будут производимы медиумами пред лицом комиссии, не будет подложных, не будет и тени возможности для подлога; что спириты сами позаботятся устранить всякий повод к допущению гипотезы обмана и самообмана; что они позаботятся облегчить расследование спиритических явлений, освещение их со всех сторон, нужное для рассмотрения. Мы со-

брались не *смотреть*, а *рассмотреть* медиумические явления, и эту цель свою выразили кратко в названии комиссии. Различие рассмотрения от простого смотра, конечно, каждому понятно.

В прошлой публичной лекции, бывшей в декабре 1875 г., я имел честь изложить результаты четырех сеансов с медиумами Петти, привезенными г-ном Аксаковым из Нью-Кэстля. В их присутствии происходили так называемые медиумические явления. Напрасно думают многие, что явлений, называемых медиумическими, совсем не было; правда, что они неоднократно, против ожиданий, не совершались; но были случаи, что они и происходили: вылетел колокольчик из-за занавески, было слышно шуршание как бы по бумаге, и медиум прямо говорил, что это дело духов, какого-то Чико, присутствующего около медиумов, Уильяма и Джозефа; было перемещение клетки, звон в ней колокольчика; являлись капли на бумаге, положенной на стол перед медиумом, утверждавшим, что эти капли произведены не им, что это есть медиумическое явление – значит материализация. Явления эти, по свидетельству наших спиритов, повторялись не только у нас, но и у них в домашних сеансах и составляют пример медиумических, достойных изучения.

Из всего виденного комиссией у братьев Петти не оказалось, однако, при рассмотрении ни одного факта, требующего для своего объяснения какой-либо из вышеприведенных четырех первых гипотез.

Представьте себе положение людей, которым обещают показать нечто новое, интересное, положим, хоть медиумический свет, а показывают зажженную свечу и говорят: «Да это-то и есть то, что мы считаем новым, достойным изучения, особого внимания». Все до одного так называемые спиритические факты у Петти оказались притом делом не хитрым, потому что самые простые меры, принятые на первый раз комиссиею, изобличили природу каждого из фактов, считаемых за медиумические. Не стану повторять того, что сообщил в прошлом публичном чтении, и прямо скажу, что братья Петти оправдали пятую гипотезу и признаны были комиссиею обманщиками.

Копия из рукописи Д. И. Менделеева «Материалы для суждения о спиритизме». 1876 г.

«...Я решился бороться против суеверия... Тут я много действовал... Мое

хорошо высказано в публич[ных] лекциях 15 декабря 1875[г.] и 24 и 25 апр[еля] 1876 г., особенно в последней. Противу профессорского авторитета – следовало действовать профессорам же. Результат должный: бросили спир[итизм]. Не каюсь, хлопотал много».

Поджигателя не видели с факелом в руках, а поджигателем признали. Таков суд современности, приговор – дело совести.

Но это не должно было бросить тени на остальных медиумов; остальные могли быть совершенно свободны от обмана. Медиумов братьев Петти должно было признать обманщиками, но из этого не следовало, что и все медиумы таковы; подобно тому, как в каждом сословии, в каждой профессии есть честные люди и обманщики. Одно только надо было признать, сверх пятой гипотезы, что наши спириты очевидный обман не видят. Они не стремились облегчить дело разъяснения, а требовали сеансов или в совершенной темноте, или в полутьме, требовали завода музыкального ящика, звуки которого мешали уху руководить наблюдателей в темноте; они прямо выставляли, как доказательства действительного существования спиритических явлений, производимых братьями Петти, такие как бы научные факты, которые этого характера вовсе не имеют; так, например, за доказательство того, что капли, являвшиеся перед одним из братьев Петти, не образованы слюною этого последнего, они

выставили то обстоятельство, что под микроскопом в этих каплях не оказалось слюнных телец, как будто бы слюнные тельца составляют всегдашнюю принадлежность выделений слюнных желез. Мало того, вскоре после моего декабрьского публичного чтения, в котором я старался воздержаться от всякого личного суждения, читал протоколы, они перешли к обвинению всей комиссии в предвзятом предубеждении против медиумизма и на этом основании затем свой отказ в содействии. Дело превратилось из научного исследования, могущего привести к разъяснению, в борьбу убеждений. Не мы тому виною. Не мы начали дело порицания по газетам и журналам. Иль было молчать? Того хотели и прямо говорили: «Ничего не видели, – ну и молчите». Не стану я здесь полемизировать – дело сложно и мало содержательно. Перейду к существу дальнейших дел комиссии. Однако для ясности сделаю некоторое отступление.

Представим себе, что некто явился бы с изобретением новой машины и стал бы утверждать про нее, что никакой затраты не только в денежном, но и в физическом смысле она не требует. Взались бы иные ее исследовать и не заметили бы тех затрат, стали бы на сторону изобретателя и подняли бы курс утверждаемого. Но сколько бы таких лиц ни было, в науку не вошло бы утверждаемое изобретателем и его последователями, пока они этого не доказали бы чем-нибудь другим, кроме своих заверений, пока они не опровергли бы существующего в науке, не объяснили бы причины общего заблуждения. Это потому, что в науке твердо стоит, основанное на множестве фактов, то представление, что работа не может образоваться иначе, как при затрате какого-либо другого рода движения, какой-либо другой работы, в физическом смысле. Но может быть утверждаемое наукой не верно? Ведь есть же прогресс в науке; есть же эпохи, когда признаются в науке за истину положения неверные. Таково ли или нет положение вопроса о сохранении сил, – это, наверное, решил бы спор между последователями изобретателя и теми, которые держатся обычного, утвердившегося в науке представления; первые были бы в одном лагере, вторые – в другом. Таков обычный путь научного прогресса. В старину противники вели бы силлогистический спор, они только и делали бы, что упрекали бы друг друга в предубеждении, в

предвзятой идее, в нелогичности ее хода, писали бы и все бы писали. Вот тогда-то, когда господствовал подобный прием в разборе явлений, тогда-то и жили твердо ложные учения и суеверия, не подвигалось научное знание вперед. Ныне же, вот лет уже 200, действуют иначе; предмет научного спора в науках стараются обследовать фактически: в истории – по документам, в филологии – по живым и мертвым языкам, в опытах науки – на опыте. При этом главная работа выпадает, конечно, на долю тех, кто утверждает нечто новое. Они всеми силами стремятся доказывать утверждаемое на опыте тем, которые отвергают. Они вызывают, они рады испытанию, – к тому побуждает их сила убеждения. Проповедники новых идей относятся к недоверию с признательностью, потому что, если они убеждены в истине, они тем большую получают славу, когда покажут справедливость утверждаемого ими на опыте, пред лицом людей, не верящих новому открытию. И вот наши изобретатели предстают во всеоружии пред лицом людей, готовых видеть, но готовых и сомневаться. Изобретателя вызывали. Они заверяли. Им говорят: «Покажите». Согласились, стали показывать и сами видят, выходит неладно, ничего не показывается, и те, кто взялись смотреть, не видят ничего нового. Представьте же теперь далее, что изобретатель и все последователи его взяли бы, да и бросили все дело, сказали: не хочу, добирайтесь сами. Вот это и вышло затем в комиссии с нашими изобретателями новой системы научных мостов. Разве Отто Герике

отказался бы от опыта, когда бы кто-либо стал утверждать, что его два магдебургских полушария, из которых выкачан воздух, удерживаются между собою не воздушным движением, а при помощи подлога, хотя бы, например, склеивания. Он был необычайно рад этому: это предубеждение против возможности действия воздушного давления на полушария было для него чрезвычайно полезно; он с радостью встретил лиц, которые сомневались, ибо ему легко было доказать их ошибку и справедливость того, что он не склеивает полушарий, что не клей и ни другой какой-либо способ скрепления, а воздушное давление составляет силу, удерживающую магдебургские полушария друг с другом с такою крепостью, что потребовалось двадцать лошадей для того, чтобы разорвать два между собой сложенные, необыкновенно большие, им нарочно приготовленные полушария, из которых был выкачан воздух. Герике сделал свой опыт на площади – созвал всех смотреть.

Таким понимали мы и положение наших спиритов; им представился случай доказать пред лицом неверящих не только справедливость спиритических фактов, но и верность спиритической гипотезы. Мы думали, что спириты приготовили для нас что-либо разительное, несомненное, изгоняющее сомнение с очевидностью. Таковы были, в самом деле, и первые шаги спиритов в комиссии. Они охотно пошли на дело исследования. Они уже устранили Петти, медиумов, оказавшихся обманщиками, доставили затем следующего силь-

ного медиума, обещали целый десяток, требовали много, много времени для наблюдений. Судите сами: вот что заявляет от 2 января 1876 г. Александр Николаевич Аксаков, извещающая комиссию о прибытии нового медиума.

«Велись переговоры с одною частною особою, известною в лондонских кружках по своим медиумическим способностям. Эта особа есть та самая дама, с которою были произведены опыты Круксом, описанные им в его статьях и приведенные на с. 128 брошюры “Спиритизм и наука”: “Эта дама не медиум по профессии, она согласна, однако же, ради исследования, предложить свои услуги всякому человеку науки, мною (пишет Крукс) ей представленному”. Такой отзыв г-жа Клайер оправдала, – продолжает Аксаков, – изъявив согласие приехать сюда, чтобы предложить свои услуги комиссии».

Следовательно, Крукс ей рекомендовал поездку сюда. Далее г-н Аксаков пишет:

«Специальность г-жи Клайер составляют сеансы за столом при свете. Обычные явления при этом: движения стола и других предметов при прикосновении и без прикосновения, изменение тяжести предметов, стуки в столе, полу и других частях комнаты, а через них и весь ряд диалогических явлений. Медиумизм г-жи Клайер совершенно подходил, сколько я могу судить (пишет Аксаков) по личному опыту, для испытаний манометрического стола. Произведенный с нею Круксом опыт инструментального констатирования объек-

тивности звуковых медиумических явлений едва ли не первый, удавшийся в этом роде; имею основание думать, что Комиссия не упустит настоящий случай, чтобы повторить его».

Итак, дама, г-жа Клайер, явившаяся теперь как медиум перед комиссиею для показания медиумических явлений, не есть наемный, профессиональный медиум, а есть любительница истины, ради ее достижения прибывшая к нам из Англии. Ничего лучшего нельзя было ожидать. Мы не думали допускать дам, – но на этот раз приняли. Не могло и быть в мыслях, что здесь будет подлог; нельзя было и думать, что обстановка сеансов будет подобна той, какая была у братьев Петти. Надо было ожидать, как и пишет г-н Аксаков, что дело исследований с г-жою Клайер пойдет весьма легко и верно, что приборы могут быть применены как бесстрастные указатели. Комиссия и занялась приборами. Первое, что нужно было сделать в этом отношении, это исследовать природу тех движений стола, которые происходят в присутствии медиума. Для этой цели в комиссии устроено было уже несколько столов, предполагалось устройство и разных других. Таковы, например, стол манометрический и стол с косыми ножками или пирамидальный.

Манометрический стол имеет вид обыкновенного, небольшого ломберного стола на 4 прямых ножках; неподвижная, приделанная к ножкам, столешница у него имеется только по краям в виде двух узких полосок; между этими полосками кладется подвижная столешница, на которую пред-

полагается помещать руки присутствующих. Между этою подвижною частью столешницы, покрытою сукном, и столом нет прямого сообщения, а столешница давит, при помощи косых брусков, под нею прикрепленных, на резиновые трубки, наполненные жидкостью, так что всякое давление, производимое на подвижную часть столешницы, передается, прежде чем столу, жидкости, заключающейся в трубках. От этих резиновых трубок, принимающих давление, производимое на столешницу, идут тонкие резиновые же трубки к стеклянным трубкам, или манометрам. Помещенные в другой комнате или вообще вдали от стола манометры эти указывают меру и направление давления, прилагаемого к столешнице. В стеклянных трубках манометров находится та же жидкость, как и в резиновых трубках. Когда на столешницу давить, резиновые трубки сдавливаются, и жидкость в стеклянных манометрах поднимается, и чем больше давление, производимое на подвижную часть столешницы, тем больше перемещение жидкости. Резиновые трубки так расположены, что сжимаются и при прямом и при боковом давлении, и притом в последнем случае сжимаются различные трубки, смотря по тому, в которую сторону направляется давление. Если мы станем двигать стол за ножку или за краевую неподвижную часть столешницы, жидкость не будет нисколько перемещаться, но всякое, даже слабое, давление, произведенное на подвижную часть столешницы, отражается в манометрах значительным перемещением жидкости. При по-

мощи этого манометрического стола можно было производить исследование над давлением рук присутствующих. Таким образом, положение и движение жидкости в манометрах дает меру приложенного давления и направление бокового давления. Чувствительность прибора видна из того, что каждому дыханию лица, сидящего за столом, отвечает заметное колебание жидкости.

С этим манометрическим столом можно было ожидать демонстрации и в пользу и против спиритизма. В пользу медиумизма могли служить, конечно, все те случаи скольжения стола по полу, при которых устранена возможность присутствующим касаться чего-либо другого, кроме подвижной части столешницы. Если в этом условии стол сдвинулся бы со своего места вбок и манометры не дали бы показания, или дали бы противоположное тому, которое отвечает давлению рук, производящему движение стола, должно было бы признать существование некоторой другой причины, кроме мускульной силы, производящей столодвижение. Только такой опыт был бы против допущения особой медиумической силы, когда бы стол в медиумическом сеансе двинулся и манометры при этом дали некоторое показание, а затем если бы произвести такое же показание манометров искусственным давлением (гирями, пружинами, руками) на столешницу, и стол опять бы также двинулся, как в присутствии медиума. Значит, манометрический стол давал бесконечное число шансов за спиритизм и только один шанс против него.

Хотя спириты и утверждают, что из 8 лиц есть один медиум в большей или меньшей мере, я в своих предварительных опытах с манометрическим столом перепробовал 15 лиц, и ни при одном не произошло никакого движения, отвечающего спиритическим понятиям. Весьма было бы поучительно, если бы пред лицом комиссии с манометрическим столом, при надлежащих предосторожностях, совершилось бы движение, необъяснимое мускульным давлением. При устройстве манометрического стола была еще и та мысль, что должно исследовать преимущественно столодвижение, как тот род спиритических опытов, который чаще всего практикуется, легче всего воспроизводится и который объясняется, помимо спиритических представлений, прямым, хотя иногда и не произвольным, мускульным движением и давлением рук на столешницу. Следовательно, манометрический стол был устроен для того, чтобы показать, есть или нет повод объяснять, обычное в медиумических сеансах скольжение стола по полу чем-либо другим, кроме мускульного действия, сознательного или бессознательного, – это все равно. Идя понемногу, можно было надеяться дойти до чего-нибудь. Пришлось бы, может быть, дальше что-либо изменить в конструкции прибора, но на первый раз можно было и так ждать результатов за или против.

И вот сели раз в комиссии с г-жою Клайер за манометрический стол тотчас после того, как простой столик и скользил, и качался, и подскакивал. Это указывало на заряд меди-

умической силы. С нашим столом никаких движений не было. А потом – сколько раз ни просили посидеть за манометрическим столом – все получали отказ: «Нет, станем сидеть за обыкновенным столиком», – говорили нам.

Взяли, наконец, свидетели-спириты стол к себе, говорят: «Попробуем дома, тогда сядем». Взяли, а там и отказались от всяких заседаний, говорят: «Вы подозреваете обман, а наш медиум выше подозрений». Мало того. Теперь пишут – манометрический стол у них качается, о том печатают. Да забывают, что он и не назначен для исследования качаний, подъемов и тому подобных медиумических явлений. Для этой цели был устроен другой стол, а именно стол с косыми, расходящимися в рознь ножками. Устроил его профессор Петров. Столешница его без закраины и прямо переходит в подстольник, наклоненный так, что между ним и столешницею образуется тупой угол, значит верх стола подобен дну ящика. В таком же направлении, как подстолье или обвязка к столешнице, идут и 4 ножки, так что получается стол пирамидальный, паукообразной формы. Ножкам придан такой уклон, что усилие рук, приложенное на столешницу, как бы оно велико ни было, не может заставить стол ни приподняться, ни наклониться. С обыкновенным столом это легко делается. Отсутствие закраины и наклонная форма подстольника делают сверх того невозможным намеренное или ненамеренное захватывание этого стола за край, а отдаленное положение ножек от лиц, сидящих перед столом, не позволяет

незаметно подвести ногу сидящего под ножку стола. Такой стол с косыми ножками был, однако, настолько легкий, что его легко можно было качать рукой, взявшись за ножку стола; весь вес стола был не больше многих из тех столов, которые, по описаниям спиритов, приводятся в движение спиритическими силами в присутствии медиумов, а именно менее 11 кг. Следовательно, если бы существовала некоторая медиумическая сила, действующая иным образом, чем мускулы рук и ног медиума, то этот стол с косыми ножками мог бы качаться и подниматься. Если же столодвижение в медиумических сеансах есть результат давления рук и мускульных их движений, то и медиум не поднимет стола, держа руки на его поверхности. Однако скольжению этого стола по полу ничто не препятствовало. В этом отношении он равен обыкновенному столу. Положивши руки на такой стол, легко заставить его двигаться по полу.

В три вечера не раз садилась г-жа Клайер за этот пирамидальный стол, стояла даже за ним. Он двигаться двигался по полу, но медиумических качаний и подъемов не выполнял. И надо было записывать в протоколы, что ползал стол этот по полу. И записано. Там и объяснений никаких не дано, а вам, конечно, и без них ясно, что движения по полу этого стола медиумической силы не показывают. «Да зачем же записывали?» – спросите вы. Да свидетели видели в этом спиритическую манифестацию и записи желали. Для них не подлежало сомнению, что мисс Клайер не двигала стола, что

он скользил действием медиумической силы. Это записать было и полезно.

В том-то и дело, что стол – назначенный для изучения скольжения – не скользит, а стол, препятствующий поднятию, – не поднимается. Так и следовало быть в смысле гипотезы обмана. Когда брали стол, назначенный для чашки чаю или для подсвечника и который к медиумическим сеансам не подготовлен, – тот и скользит, и качается, и взлетает, – все делает. Подумаете вы, может быть, что устройство наших столов, качество их устраняло приложение к ним медиумической силы – ну не проводили они тока медиумического – что ли. Нет, это предположение не годится к делу. Стол манометрический не скользил, а пишут, что качался¹³, стол пирамидальный не качался, а скользил под руками медиума. Следовательно, медиумическая сила прилагаться могла.

Что же касается обыкновенного столика, тот не только скользил – это-то у каждого делается, – при доброй воле или от остатка, – тот и качался и взлетал. Качания – ничего против приложения мускульной силы, в пользу спиритизма, не говорят. Столики, подобные употребленным в наших сеансах, легко качать и от себя, и к себе, и набок. «Так зачем же брали такие?» – спросите, быть может, вы. Да, помилуйте, мы это-то все время и говорили и медиуму и его свидетелям; говорили: «Садитесь за приготовленные столы и другие приборы». – «Нет, – говорят они, – необходимо сидеть за простым столом, за приборы рано». Мы ждали. Аксаков

и свой столик привез для этой цели. Столик как столик, на 4 ножках. Качать его можно. Он и качался, и требовали, чтобы все это точно было записано в протоколы. И подниматься на всех ножках вверх – столики поднимались. Это как же? Да попробуйте, вытяните вашу ногу и поставьте на ее носок одну ножку столика, и руки положите на столешницу. И у вас тоже будут поднятия стола. «Да ведь ногу-то под ножкой стола видно, ведь так нельзя?» – подумаете. Нет, не будет видно, если кругом сидят, да еще около ножки юбка, да заставят приблизиться, а сбоку попросят не смотреть. «А зачем вы не смотрели, зачем не видели?» Нет, видели: подлинно своими глазами. Н. А. Гезехус видел ножку мисс Клайер под ножкой столика г-на Аксакова. Вот и все опыты с мисс Клайер.

Вам бы, скажете дальше, уж коли на то пошло, надобно было доказать подлинно. Подумайте сами и увидите, что возможность была, но были и трудности. Первое – дама с интересом к науке, для нас же из Англии и приехала; второе – да ведь и то пишут, что мы взяли на себя роль следователей, оно хоть и не обидно, а все же как-то неловко, потом, третье, – надо было найти подходящий случай. А тут-то и сказали нам, что мы пристрастны и подозреваем даму, что ее от нас берут, не хотят таких исследований спиритизма.

Тем и дело кончилось. Изобретатели моста отказались доказывать утверждаемое. Думайте, дескать, как знаете. Теперь, что бы там ни было, одного спириты сказать не могут, что их фактов боится наука, что от того-то никто и не хочет

их изучать. Эта часть – покровы таинственности – навсегда свалилась в Лету.¹⁴

После четырех заседаний Комиссии, в которых присутствовала г-жа Клайер, свидетели-спириты вначале приостановили, а затем и вовсе прекратили свое содействие комиссии и удалили медиума. Не стану вступать здесь в прения со свидетелями по поводу мотивов их отказов, не буду излагать и тех результатов, которых достигла комиссия, окончившая свои занятия вскоре после отказа свидетелей. Первого я не делаю потому, что не хочу утруждать вашего внимания всеми теми мелочами и силлогистическими построениями, на которых основываются отказы свидетелей. Второго же я не делаю по той причине, что в газете «Голос» вы, вероятно, уже читали заключительное заявление от комиссии, учрежденной для рассмотрения медиумических явлений; оно появилось в № 85, от 25 марта. Заключительные слова нашего приговора вы, может быть, и помните: *«Спиритические явления происходят от бессознательных движений или от сознательного обмана, а спиритическое учение есть суеверие»*. Все мельчайшие подробности дела, т. е. протоколы и их приложения, вы узнаете затем из книги, которая уже печатается и скоро выйдет. Там будут и заметки на заявления г-д свидетелей-спиритов, которые поместили уже в газетах мотивы своих отказов и кой-какие другие статьи. Зачем мне нарушать интерес книги, тем более что выручка с нее пойдет на устройство аэростата, назначенного для изуче-

ния метеорологических явлений верхних слоев атмосферы.

Вместо этого я хочу обратить ваше внимание на то, как отнеслась наша литература к спиритическому движению.

Кажется, не было ни одного органа литературы, который бы не отозвался, так или иначе, о спиритизме. В массе взятая, вся литература в совокупности была против спиритизма; да оно и понятно, потому что между литературой и наукой, по существу, нет различия; истине служат с одинаковым правом и искусство, и наука, и литература, и суд, и школа, хотя для того средства и приемы у них различны. Но при этом однообразии общего направления проявились в литературе и характерные особенности, — я не хочу говорить здесь о тех немногих, почти единичных литературных заявлениях, которые были прямо в пользу спиритизма; мне хочется только сказать о том оттенке, изменении, которое легко заметить в суждениях многих литераторов о спиритизме, изменении, происшедшем в самое последнее время.

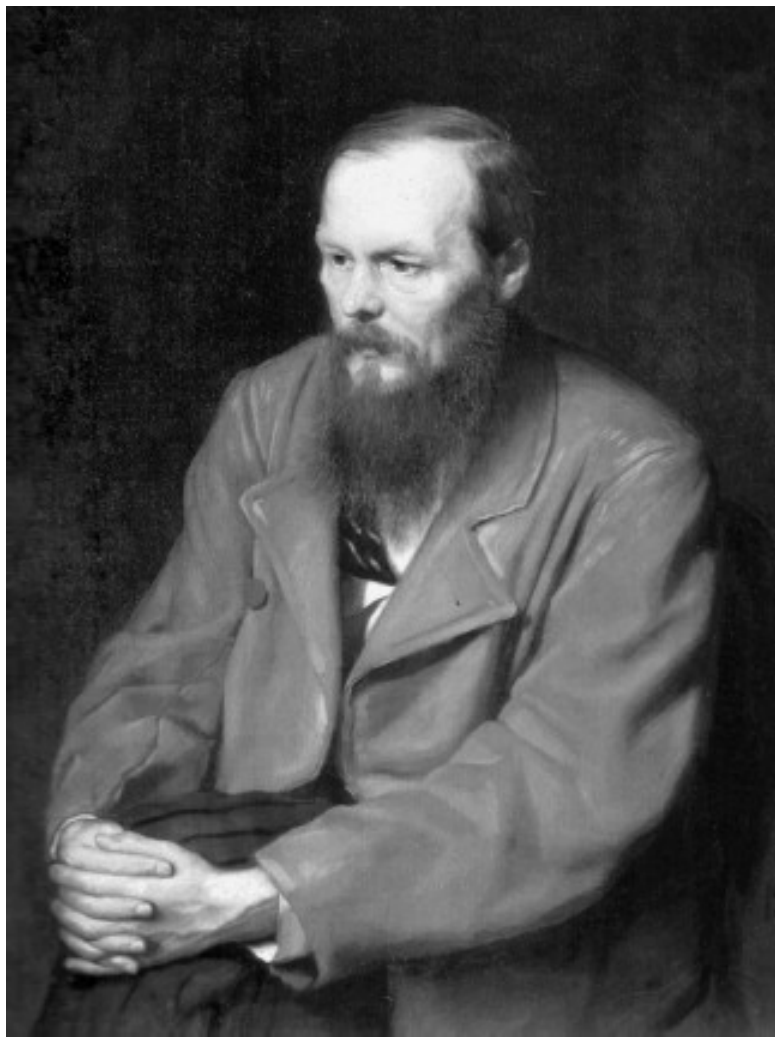
Когда явился в Петербург Юм, к нему отнеслись с одной насмешкой; над спиритическими сеансами шутили, думали, что это просто забава и больше ничего. Тогда еще не знали, что спиритизму сочувствуют у нас и некоторые ученые. Когда же узнали, что за спиритизм профессора — Бутлеров и затем Вагнер, оттенок мнений переменился. Имя г-на Бутлерова пользуется заслуженною доброю известностью не только в небольшом кружке русских ученых, но и среди ученых всего мира, потому что его труды получили обширную из-

вестность вследствие их отчетливости и ясного, совершенно определенного и передового направления. В литературе стали появляться тогда отзывы, носящие переходный характер, оттенок сомнения, вопросы. Достаточно упомянуть в этом отношении талантливый фельетон г-на Суворина, или «Незнакомца», в «С.-Петербургских ведомостях» за 1872 г.; он появился и в его «Очерках и картинах», во 2-м томе. Суворин видит, что многие явления, признаваемые спиритами, происходят от самообмана, он подсмеивается над спиритами, говорит, что в спиритизме видит «залог тишины и спокойствия», но ничего определенного о спиритизме не высказывает, перед ученым мнением – молчит, он следует приглашению и просто-напросто констатирует факты и никакого о них твердого мнения не высказывает. Этого-то и желали бы спириты; им хочется, чтоб факты были констатированы, а что из этого вытечет, то подскажет затем няня, то готово у всякого: не отрицайте только фактов, а остальное – придет. Это увидели в фельетоне Суворина и неоднократно ставили ему в упрек. Вот он недавно взял издание «Нового времени», и как будто бы в ответ на справедливость упрека, в № от 1 марта появилась там статья «Спиритические подвиги», где констатируются спиритические факты без всякого к ним дальнейшего объяснения, кроме разве следующей прибавки редакции: «Мы оставляем за собою полную свободу мнений о спиритизме, распространение которого объясняем, прежде всего, отсутствием в обществе более живых и серьезных ин-

тересов». Это относится к 1 марта. Почитайте же теперь в том же «Новом времени», в № от 13 апреля, что приведено вслед за выпиской из статьи г-на Вагнера; там сказано: «Мы остаемся (да, так и написано «остаемся») при убеждении, что исследовать нужно не медиумические явления, а тех, кому эти явления представляются, и в особенности тех, кому они кажутся “мировыми вопросами”».

В промежуток времени от 1 марта до 13 апреля явилось заявление комиссии для рассмотрения медиумических явлений.

Г-н Достоевский в своем талантливом «Дневнике писателя», в январском номере, посвятил спиритизму несколько страниц и, подобно тому, как г-н Суворин в своем первом фельетоне, проходится на счет спиритизма, только берет дело поглубже, но все же с оттенком неуверенности. Так, например, на с. 29 он пишет: «Умный и достойный всякого постороннего уважения человек стоит, хмурит лоб и долго добивается: „Что же это такое?“ Наконец машет рукой и уж готов отойти, но в публике хохот пуще и дело расширяется так, что адепт поневоле остается из самолюбия».

В. Г. Перов. Портрет писателя Федора Михайловича Достоевского.

1872 г.

Г-н Достоевский кладет на спиритизм отпечаток чертовщины; но оттенок сомнения и у него остается. Это было в феврале. Читайте теперь мартовский номер его «Дневника», появившийся к апрелю, где также говорится о спиритизме. Здесь вы не видите и тени сомнения; в первых строках написано: «Наш возникающий спиритизм, по-моему, грозит в будущем чрезвычайно опасным и скверным обособлением».

И здесь ясно, что труды комиссии оказали свое влияние на мнение литератора о спиритизме, хотя г-н Достоевский, как и многие другие, не очень сочувствует трудам комиссии, видит их недостатки и старается их выставить. За это ему можно бы сказать спасибо, если бы у него было поменьше «обособлений».

То же самое проявляется у г-на Боборыкина. Прочитайте его воскресный фельетон от 21 декабря 1875 г. В нем пишется о нападках отовсюду и из ученого мира на г-д Вагнера и Бутлерова, указывается на личности, проявившиеся в отношении к ним, на то, что г-н Боборыкин нигде не видит вражды между наукой и спиритическим учением; что противники медиумического направления стремятся поскорее заручиться настроением публики, что это прием не научный. Кстати сказать, он забыл должно быть про то, когда явились статьи

Вагнера и Бутлерова. Словом, у г-на Боборыкина проявляется с ясностью беспристрастие к спиритизму и колкое отношение к противникам спиритизма. Вы, вероятно, читали затем, в последнее время, три статьи г-на Боборыкина в той же газете, озаглавленные «Ни взад – ни вперед», где ведется рассказ о сеансах с г-жою Клайер, о спиритизме вообще, о его литературе и пр. Теперь уже все сводится к сомнительности спиритических явлений и к ненаучности занятий спиритизмом. Переворот в литературном мнении и здесь очевиден. Но особенно он ясен в заключительных словах третьей статьи Боборыкина (30 марта 1876 г., «С.-Петербургские ведомости»). В ней говорится и о приговоре комиссии. Приводя ее слова: «Спиритическое учение есть суеверие», Боборыкин восклицает: «Мы это и без нее знали!!»

Попала весть о комиссии и за границу, благодаря «*Journale de St.-Petersbourg*» (30 марта). Там взглянули уже чересчур благоприятно на возможные плоды трудов комиссии.

Так, например, хроникер парижской газеты «*Le Temps*» (18 апреля 1876 г., н. ст.) сомневается даже в жизненности спиритизма, думает, что не поправится он от нанесенного удара. Это сказано чересчур. Что за дело суеверию до рассмотрения? Кто за него, явно там или тайно, – того не убеждает ничто. Мы думали, составляя наш отчет, о тех только, кто шатался, а поднимать мы не умеем.

А спириты, видно, поняли влияние литературы на судьбу

их вопроса, заботились о том, чтобы у литераторов составилось личное мнение о спиритизме. Г-н Лесков в «Гражданине» от 29 февраля описывает, что его, г-на Боборыкина и г-на Достоевского пригласили к г-ну Аксакову для сеанса с г-жою Клайер. Раньше звали и многих других – пишущих. Лесков описывает этот сеанс, констатируя факты так, как это именно и желательно спиритам.

После того как комиссия заявила о результатах своих занятий с медиумами, – это она раз только и сделала – нигде еще не встретилось ничего подобного. Конечно, с 25 марта по сие время прошел только месяц, и медиум г-жа Клайер уже уехала, констатировать новых фактов, значит, не придется, но тем не менее сомнение можно было бы заявить с большою и полною свободою. Писал, правда, г-н Вагнер, да что-то это не действует. Сомнения в результатах комиссии нет. Пусть осуждают комиссию, но ей верят. Через затворенные двери, помимо симпатий, истина взяла свое; и не заметили, как проникла она, как будто бы сами придумали то, что говорят.

Так, спокойно, но верно добывается правда. И доверие должно было родиться. Всякий поймет, что 12 членов комиссии не имели ровно никакого интереса ни скрывать медиумических фактов, ни составлять о них неосновательное мнение. Вот здесь-то и проявляется целесообразность учреждения комиссии. Внимание к спиритизму обязано участию в нем двух профессоров, двух ученых, имена которых рус-

ская литература знает и справедливо уважает. Комиссия учредилась для того, чтобы вместо обаяния имен действовать убеждением, очевидностью, рассмотрением медиумических явлений.

Если бы в комиссии произошли подлинные медиумические явления, их, конечно, выставили бы на вид¹⁵, но при этом постарались бы провести резкую границу между бездоказательною гипотезою о духах и естественными явлениями, так или иначе происходящими в присутствии медиумов. Если бы никакого из медиумических явлений не произошло в комиссии, – и это было бы уже гибелью спиритизма, в научном смысле, потому что в комиссии были медиумы, приглашенные самими спиритами. Но факты произошли, констатированы, только стало очевидно, что нет ей одного факта, из совершающихся в присутствии медиумов, требующего допущения новых неизвестных сил. Своим отказом спириты явно подкрепили справедливость наших заключений. Как они там ни станут поворачивать, дело-то всякий увидит.

Если бы некто стал утверждать, что в некотором общеизвестном растении находится – ну хоть хинин, многие, может быть, заинтересовались бы этим, ибо это было бы не лишено своего значения. Попробовали бы они добыть хинин из названного растения – не получили бы. Пригласили бы автора показать действительность присутствия хинина в этом растении. И представьте себе, что он согласился бы показать, но при всем старании не мог бы добыть хинина из растения

в присутствии посторонних лиц. Всякий имел бы право сказать, что автор ошибся, и он сам должен был бы в том, наконец, признаться. Просто – в том сосуде, который употреблял автор при своих первых исследованиях, мог быть хинин, этого он не замечал, нашел и обрадовался, оповестил. Тогда он говорил правду, и теперь должен бы сказать правду. Но, милостивые государи, если бы он ошибся насчет хинина, вы ведь не стали бы думать, что он везде ошибался; можно ошибиться в постановке некоторого вопроса, в некотором исследовании, и это ничуть не касается других исследований, других постановок вопроса.

Так и в отношении наших ученых спиритов к медиумизму, несомненно, видна ошибка суждения, которая, однако, ничуть не касается до остальной деятельности их как ученых. Крукс проявил талант, открыв талий, изобретя радиометр – это тот самый прибор, который вращается от падения на него лучей теплоты – его вы теперь повсюду видите в окнах оптических магазинов. Но Крукс нехорошо экспериментировал в пользу спиритизма; он неудовлетворительно объяснил свой радиометр, полагая, что вращение происходит прямо от действия лучей. Это ему показали. Ведь и у Ньютона были ошибки.

При учреждении комиссии для рассмотрения медиумических явлений можно было думать, благодаря свидетельству ученых, что между множеством вздора, рассказываемого спиритами, есть там нечто своеобразное, особенное, до-

стойное научного изучения, ну хоть бы нечто подобное той животнo-магнетической жидкости, которую допускает Шевиллар, истекающей из пальцев медиума, когда происходят медиумические стуки. Ныне, я думаю, что ничего такого там нет. Тем не менее не отрицаю, что есть научный интерес в исследовании спиритизма только не для физиков, а для психиатров, которые уже стали вникать в то нервное состояние «транса», в которое впадают медиумы. И я думаю – они найдут средства, если займутся делом, отличить притворный транс от болезненного. Им будут интересны и те произвольные движения, которые играют огромную роль в так называемых спиритических сеансах, происходящих без медиумов, в домашних кружках, где двигаются столы, где ножка стола стучит и выстукивает буквы и ответы на предлагаемые вопросы. Найдут, может быть, иные некоторый научный интерес даже в том, подобном мании, отношении, которое проявляется у спиритов при обсуждении спиритизма.

Вы знаете, конечно, что существует уже целое учение о невменяемости многих человеческих действий, совершаемых под влиянием бессознательных впечатлений, ведущих иногда к действиям вредным. Невменяемость проповедают часто, руководясь добытыми в психиатрии сведениями о монomanии. Признаки чего-то подобного часто встречаются у людей науки. Они замечаются и у спиритов. Приведу один пример. В сеансах 25 и 27 ноября с г-жою Клайер за небольшим квадратным столом, доставленным г-ном Аксаковым,

несколько раз этот столик наклонялся от медиума в противоположную сторону, когда руки медиума лежали плашмя на столе и когда другие лица, сидящие за столом, движения стола не производили. А. Н. Аксаков в своих частных заявлениях, поданных в комиссию, с особенною силою налегает на то обстоятельство, что комиссия не занесла в протоколы такого рода движений, замеченных ею, потому что он считает такие движения «невозможными» при обычных условиях, т. е. полагает, что нельзя наклонить столика от себя, держа руки на столешнице ближе ее середины. Но что чрезвычайно легко делается в действительности; просто, севши за стол и положив на него руки, всякому можно необычайно легко наклонить такой столик от себя; это я проделывал множество раз, и еще недавно, со столиком г-на Аксакова.

Вероятно, он сам даже не попробовал этого, и только вследствие того ему кажется такой факт сколько-нибудь говорящим в пользу медиумизма г-жи Клайер, а потому в том обстоятельстве, что во всех протоколах комиссии о направлении качаний стола не говорится особо, ему чудится пристрастное действие комиссии. А она записала и подъемы все счетом. На качанья же столика Аксакова не обратила особого внимания; просто сказано: качался – можно ли было думать, что и их сочтут за спиритическую манифестацию? Отчего же тогда не счесть за нее ну хоть чихание? Если б в качаниях столика видеть присутствие силы спиритов, то мы все – медиумы, потому что, держа руки на столе, можем качать сто-

лик г-на Аксакова во все стороны. Доказать это публично я готов на таких условиях: сбор – в пользу герцеговинцев, и если я не наклоню стол, как г-жа Клайер наклоняла в комиссии, то обяжусь ничего не печатать ни за, ни против медиумизма после того, как издам отчеты комиссии. Если же я наклоню, то требую от А. Н. Аксакова, чтоб он затем не печатал, ну хоть два-три года, ничего ни за, ни против¹⁶ спиритизма.

Планшетка для спиритических сеансов

Чтобы затем уяснить дальнейшее отношение науки к спиритизму, замечу прежде всего, что различие мнений о спиритизме не должно и даже не может служить поводом к научной полемике, подобно тому, как нет нужды вступать в полемику с д-ром Шепфером по поводу его лекции, читанной в Берлине и озаглавленной в русском переводе так: *«Окончательные выводы науки: земля неподвижна»*. Шепфер, ко-

нечно, действует во имя успехов науки. А те, кто не возражает ему, а возражать могут, молчат по той же причине. Шепферу кажется неудовлетворительным существующее объяснение опытов Фуко, качаний маятника в воздухе и сжатия земли у полюсов. Для объяснения последнего он говорит, что на экваторе теплее, а у полюсов холоднее; он пишет далее: «...так как солнечный свет чрезвычайно ярок, то и размеры солнца должны казаться неизменными по величине на необычайно далеком расстоянии, и может быть, что солнце в действительности немногим разве больше того, как оно представляется нам вдали».

Люди науки привыкли с интересом читать творения, подобные произведению Шепфера. Подобное занятие составляет приятное развлечение и даже полезно, особенно для педагогов. И в мыслях ни у кого не будет обвинять или стеснять д-ра Шепфера. Он говорит свое по крайнему разумению, а остальных пред публикой не клеймит сразу – ретроградами и трусами. Те времена уже прошли, когда между приемами науки и суеверия не было никакого различия. Суеверие то бы не стерпело: «Молчи, – сказало бы, – нет логики» и тому подобное. Мой сотоварищ и друг П. Л. Чебышев отлично определяет научное значение исследований, говоря, что те из них имеют важное значение, которые попадут в элементарные курсы наук, в учебники, в руководства. Доводы Шепфера против движения земли, по крайней мере, теперь, скоро не попадут в учебники; не попадут туда и понятия спи-

ритов.¹⁷ Но это не потому, что катехизис наук утвердился окончательно и не подлежит никакому дальнейшему изменению – всякий волен составлять какой угодно учебник, – а потому, что, при составлении руководства, нельзя обойти изложения важнейших доказательств; надо кратко и ясно выставить основные положения, нельзя только уличать, переливать из пустого в порожнее, необходимо опереться на что-нибудь прочное. А все незрелое тем и характеризуется, что не подлежит такого рода изложению. Таков и спиритизм.

Многие его адепты чрезвычайно часто заявляют, что они не держатся никаких гипотез для объяснения спиритических явлений, а тем более не имеют никаких теорий, объясняющих совокупность известного им, по отношению к спиритизму. Утверждая это, они отстаивают, однако, что есть некоторая новая сила, управляющая явлениями, называемыми спиритическими, что явления эти не объясняются известными поныне силами. Такое допущение может быть принято в науке только тогда, *когда спиритами строго будет доказана для каждого спиритического явления невозможность его объяснения известными до сих пор силами и средствами*; пока этого не сделано, в спиритизме нет существенного содержания для научного исследования, наука с полным правом станет не обращать никакого внимания на спиритизм.

В самом деле, помимо гипотез, вся литература спиритизма состоит из описания виденного и ничем не отличающегося от любого рассказа, в роде Габорио или Коллинза, ни-

сколько до науки не относящегося, да малой доли явлений медико-физиологического характера. Для того, чтобы это показать еще раз, я сделаю краткий обзор известным до сих пор спиритическим явлениям. Скажу, какими они мне представляются ныне.

Первое место между медиумическими явлениями занимает *столодвижение* и сходные с ним движения различных других предметов, когда к ним прикасаются руки медиумов.¹⁸ Спиритами ни разу не было доказано, что такого рода явления происходят не от толчков вольных или невольных, сообщаемых ногами и руками, не от колебаний, происходящих в предметах, до которых касаются, не от механических напряжений, зарождающихся в предмете от суммы механических же сил, сообщенных ему прикасающимися живыми существами. Люди, совершенно верящие точности описания столодвижений, многократно показали возможность произведения этих и им подобных движений при помощи приложения мускульных сил лиц, сидящих за столом. Фарадей, знаменитый английский физик, а за ним и много других лиц, придумали немало опытов, ясно доказывающих существование незаметных для глаза и совершенно бессознательных сотрясений, результаты которых проявляются в ясно видимых механических перемещениях.

Приведу один опыт подобного рода. Он удается каждому и особых приспособлений не требует, легко повторяется. Возьмите линейку, лучше с острым металлическим кра-

ем или, вместо того, прямой нож, приготовьте затем проволоку, например разогнутую обыкновенную дамскую шпильку, и один ее конец загните крючком. Ребро линейки или ножа поверните кверху и наденьте на него приготовленный крючок, а затем, взяв линейку за концы в руки, уприте руки в стол так, чтобы линейка была параллельна столу и на таком расстоянии от него, чтобы нижний свободный конец нацепленной проволоки чуть-чуть, но непременно, упирался об гладкую поверхность стола, еще лучше – о стекло или тарелку. Проволочка будет двигаться сама собою вдоль по линейке, и, как бы вы ни старались твердо держать линейку, движение будет; устанете – они усилятся, проволочка просто пробежит и все будет идти в одну сторону, хотя бы ей даже пришлось подниматься для того немного в гору.

Для спиритов это должно быть слабым медиумическим явлением, для иных последователей Шевиллара – истечением магнитной жидкости. Для вас, если вы вникнете в разбор явления – рассмотрите его, это будет преобразование мелких мускульных сокращений в заметное механическое движение. Так и капля долбит камень, так ударом песчинок делают гравюры, прорезают стекло и камни. В руках, в линейке, в крючке происходят поднятия и опускания для глаза незаметные, быстро следующие друг за другом. Глаз не успевает увидеть, а проволочка успеет упасть на сторону, когда линейка опустится. Вот вершина проволочки и подвинулась. А когда линейка поднимется на незаметную для глаза высо-

ту кончик проволоочки подвинется по тарелке или столу. Это повторяется часто, и вы видите один результат – проволоочка движется по краю линейки. Опыт этот способен не только занять, но и разрушить страх, находящийся на многих при разговоре о спиритизме. Немало есть людей, которым страшно трогать спиритизм. Не боятся этого люди науки. Поглядите как просто и смело относятся к этим вопросам наши ученые – представители спиритизма. За это честь им и слава. Они верны тому лозунгу науки, который гласит: «Не бойся истины». Я понимаю, что они ее ищут.

Чрезвычайно близко к простому столодвижению стоит *столописание*, когда в столешницу стола или в его ножку вдевается карандаш, а под стол кладется бумага, на стол – руки и получаются письма. Г-н Квитка, рассмотрев возможные движения стола в этих условиях, приходит к такому заключению, что самые разнообразные формы движений могут совершенно невольно сообщаться столику, и выражает в своей статье затем следующее: вот почему ножка стола, к которой прикреплен карандаш, описывает самые причудливые фигуры; «это подало повод лицам, занимающимся спиритизмом, видеть в начертанном нечто написанное, а при сильном желании и терпении можно в написанном видеть нечто желаемое, подобно тому как люди, выливающие расплавленный воск в холодную воду, находят затем леса, горы и гусаров». У меня есть один номер армянской газеты «Мамул», присланный г-ном Азнавуром из Константинопо-

ля. Там описан сеанс г-на Азнавура и приложена фигура, нарисованная в течение его. Она отлично отвечает представлению г-на Квитка о природе карандашных спиритических манифестаций. Рисовал ее сам г-н Азнавур во время сеанса. По словам духа, беседовавшего с ним, Ксенофонта Антуана, фигура эта изображает жителя планеты «мужчин и женщин, движущейся между кругами Солнца и Меркурия» и называемой г-ном Азнавуром планетою «Изоле». Фигура та, на мой взгляд, больше напоминает обыкновенную утку.

О *стуках* речь была выше, и здесь я о них упоминаю только ради угадывания, которое спириты приписывают столу. Я был в домашнем сеансе у г-на Аксакова с мисс Клайер. Потребовали написать шесть имен и одно из них на особой бумажке, указывали поочередно на одно из 6 вписанных имен и при одном раздавался медиумический стук – говорили, стол угадает. У нас не угадывал. Я помнил заметку Гей-Люссака, который говорит, что особы, подобные медиумам, видят на лице состояние, наступающее при указании на записанное имя. Г-жа Клайер глаз не сводит с записавшего. Иногда, конечно, угадывание было, но, в нашем сеансе, из 7 раз, когда делалась проба, угадывание удалось только два, и оба раза не со мною. Попробуйте, и вы столько-то угадаете, а у иного может быть, и каждый раз будете угадывать. И это называют спиритическими опытами, манифестацией духов! Что же касается до ответа на то, что стучит у того и другого медиума, то я, сознаюсь, что общего ответа дать не могу. Ду-

маю, однако, что его и дать нельзя без долгого ряда наблюдений – хотя бы ими позанимались спириты. Шевиллар тот сам дошел до того, что стуки у него происходят по воле, и говорит, что это капли животного-магнетической жидкости. А мне думается, не прямо ли это руки его скользят по столу и тем производят звук. Мне удавалось самому именно таким образом производить звуки, подобные медиумическим стукам. Я это показывал г-ну Аксакову, и по этому поводу раз вышло следующее. Петти, старший медиум, сел на диван, пригласили и меня, – говорят, мне постучат, потребовали положить руку на столик, и медиум положил. Стуки раздались. В комнате был г-н Аксаков, и он стал меня серьезно просить не шалить, стуков не делать. А я и не стучал на сей раз. С тем и ушли из комнаты, говорят, что всё я забавляюсь. А мальчик Петти, по-русски не понимавший, так, кажется, и не разобрал – отчего это, затем тотчас и прекратили сеанс, устроенный для моего личного назидания. Если Петти соловью подражает, отчего же Клайер не подражать ударам по стеклу?

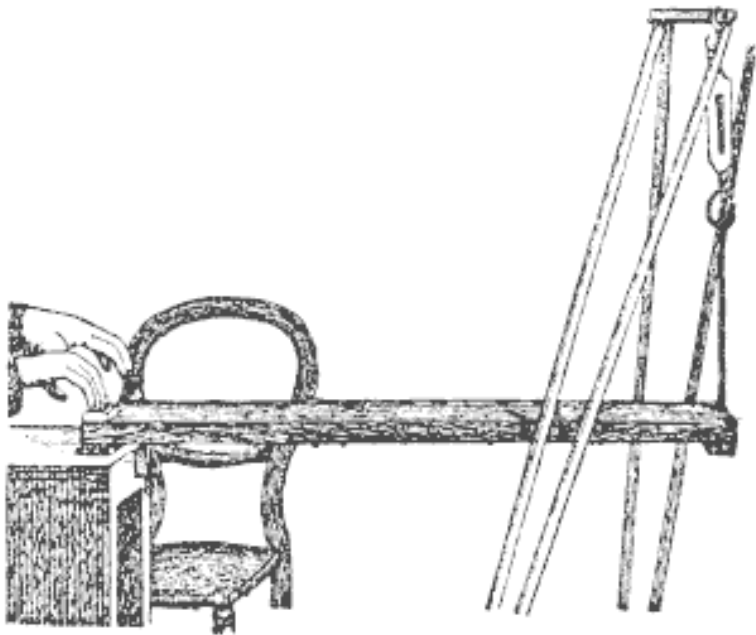
Далее следует *летание* стола, т. е. его подъем от полу, при прикасании к нему сидящих за ним. В объяснении этого явления, по словам спиритов редкого, многие допускают самообман, зависящий от недостатков органа зрения и от быстроты возможных движений. Глаз может замечать только движения, совершающиеся с некоторою медленностью – летящая пуля не видна. Можно предположить, что подъем стола совершается от сложения колебаний, наставших в столе

или в полу и производимых вследствие толчков, делаемых руками присутствующих. Предполагают далее, что, придя в быстрое колебание, ножки стола то касаются пола, то отпрыгивают от него. Я сам думал вначале нечто подобное, делал и подходящие опыты. Будучи затем неоднократно свидетелем поднятий стола, ныне я ничего подобного не полагаю, а уверен, что в медиумических сеансах стол просто поднимают, подобно тому, как поднимают его при переноске мебели, только делают это незаметно, с ловкостью, примеры которой всякий из нас знает во многих приемах акробатов и которую я лично признаю в большом развитии у некоторых виденных мною медиумов. Мне не известно ни одного из случаев, описанных с некоторою подробностью, где бы нельзя было допустить возможности незаметного, может быть исчезающего от глаза по быстроте, подбрасывания стола медиумом при том медиумическом явлении, которое называют подъемом стола. Вы видели, конечно, некоторых фокусников, так быстро совершающих свои приемы, что движения их исчезают от ваших глаз по быстроте, с которою они производятся. Можно допустить, что и при подъемах стола медиумы совершают такого же рода движения. Охотно допускаю даже, что они делают это произвольно, в особенности впадая в то бессознательное состояние, которое называется трансом; тогда они делают, сами не зная что, с некоторою целесообразностью, привычкою и ловкостью, не производя обмана.

Потом цитируют наблюдения спиритов с приборами, на-

пример, над уменьшением веса и над колебанием перепонки, происходящими в присутствии медиума. Чтобы показать вам, насколько удовлетворительны такого рода опыты, описанные до сих пор, цитирую один спиритический опыт Крукса, произведенный им с г-жою Клайер и с г-ном Юмом. Кусок тонкого пергамента плотно натянут на круглый деревянный обруч; на этот пергамент опирается короткое плечо легкого рычага, снабженное тонким опускающимся острием; на длинном плече рычага находится острие, упирающееся на стеклянную дощечку, движущуюся в течение опыта при помощи часового механизма и закопченную. Короткий конец рычага, опирающийся на перепонку, так уравновешен, что тотчас передает движения перепонки, и если они произойдут, длинный конец рычага опишет на стеклянной пластинке кривую линию; если же рычаг будет в покое, на стеклянной пластинке получится прямая линия. Снаряд этот был предварительно испытан Круксом, чтобы убедиться, что никакое сотрясение подставки и удары в нее не влияют на результат, черта получается все-таки прямая. Вошла в комнату г-жа К. – мы знаем теперь из слов г-на Аксакова, что то была мисс Клайер. Она положила пальцы свои на особую подставку, ей не объясняли действия снаряда. Г-н Крукс положил свои руки на руки дамы, чтобы открыть сознательные и несознательные движения с ее стороны. По пергаменту стали тотчас раздаваться легкие удары, похожие как бы на удары о поверхность перепонки песчаных зернышек, длинный

конец рычага тихонько двигался вниз и вверх; иногда звуки были так часты, как бы производимые прерыванием тока, а иногда и редки. На стеклянной пластинке получились линии разнообразно искривленные. Такой же опыт был повторен г-ном Круксом с г-ном Юмом. Юму также не было объяснено значение прибора, его руку поместили на расстоянии 10 дюймов от поверхности перепонки, другую руку в это время держали. Оставшись в этом положении около полуминуты, Юм сказал, что чувствует какое-то влияние. «Я пустил в ход прибор, – пишет Крукс, – и мы все видели, как длинное плечо, рычага стало двигаться вверх и вниз; движения были тише, чем в присутствии дамы, и почти вовсе не сопровождались ударами».

Прибор Крукса для измерения изменений веса

Описание этих опытов г-на Крукса страдает недостатком указания размеров перепонки и тех родов звуковых колебаний, которые созвучны, как говорят физики, перепонке, т. е. не указывается тех звуков, которые способны привести перепонку в колебание. Достаточно представить себе, что между речами, сказанными при опытах г-на Крукса, например, в словах, произнесенных г-ном Юмом, содержались звуки, со-

звучные перепонке, – перепонка непременно придет от общеизвестной физической причины в таком случае в колебание, получится на пластинке кривая линия¹⁹, и весь опыт станет совершенно понятным, без допущения медиумических сил. Не так обставляются научные опыты, в которых хотят доказать существование новой силы.

Особую важность придают спириты тем медиумическим опытам, где *являются духи* в образе человеческом. Иных мороз обхватывает при таких рассказах, потому что нельзя же не верить. Чтоб дать вам пример такого рода явлений, я прочту протокол спиритического сеанса нескольких русских, бывших в Лондоне, с известным там медиумом г-ном Вильямсом. Один из присутствовавших на сеансе, не очень-то верующий в спиритизм, в номере которого происходил сеанс, вручил мне подлинный протокол, но имен присутствующих сообщить не дозволил. Этот протокол составлен по-русски и подписан всеми – между присутствующими были люди, вполне поверившие спиритизму и все люди развитые, инженеры, ученые. Прибавлю еще, что привезен мне протокол с вопросительным знаком, к замечанию и назиданию. Тем лучше. Если бы побольше таких документов! Мне в руки достался один этот.

**Протокол спиритического опыта,
произведенного сего 14 ноября 1874 г.
в 8 ¹/₄ часов вечера в Лондоне 15 Arundell
Sreet, Goventry Sreet, в гостинице «Превитали»,**

**в №№ 14 и 15, в присутствии следующих лиц:
медиумов: г-жи Олив и г-на Вильямса
и г-д П., I., П.₁ Ч., S. и Б.**

«Вследствие присутствования г-д П. и Ч. несколько недель тому назад на одном из публичных спиритических сеансов, даваемых в Лондоне г. Вильямсом, явилась мысль пригласить его устроить спиритический сеанс в самой квартире г-на П., дабы получить уверенность, что все явления, вызываемые сим медиумом, происходят без всяких механических с его стороны пособий и без каких бы то ни было приготовлений.

Действительно, г-н Вильямс был приглашен в пятницу, 14 сего ноября, в гостиницу Превитали, в означенные комнаты, занимаемые г-ном П., и, по любезному предложению г-на Г., приглашена была г-жа Олив.

В комнате № 15, в которой должно было произвести опыт, решительно никаких приготовлений не делалось,²⁰ кроме того, что завешено окно, а мебель была несколько переставлена для более удобного заседания нескольких лиц, а самый стол (деревянный, массивный), за которым должны были сидеть присутствующие, внесен из другой комнаты за несколько лишь минут до заседания. При этом положены были на стол: купленный нарочно утром того же дня небольшой бронзовый колокольчик; равно взятый на прокат в магазине органчик, две свернутые из толстой бумаги трубки и свечка.

Заседание открыто было в 8 $\frac{1}{4}$ часов вечера и по образованию за столом руками присутствующих сплошной цепи, причем по обе стороны медиумов сидели: г-н П. с правой, а г-н Ч. с левой стороны Вильямса; около г-жи Олив сидели Г. и Б. Свеча была потушена. По прошествии $\frac{1}{4}$ часа послышался некоторый шум в том углу комнаты, в котором стоял комод, и г-н Ч. немедленно за сим объявил, что комод подвинулся к нему очень близко, так что он может на него опереться. Г-н П. заявил, что на него каплет туалетный уксус, который находится в банке на комодe; то же самое заявили затем постепенно и другие присутствующие. То же повторилось с одеколоном, которым были обрызганы все присутствующие поочередно. Г-н П. предложил духу взять другую неоткупоренную баночку с одеколоном, находящуюся у него же на комодe, и, откупорив, обрызгать оным присутствующих. После нескольких секунд молчания действительно все почувствовали на себе капли одеколона, а по осмотре после заседания баночка с одеколоном оказалась бережно откупоренною без всяких следов на пробке.

Органчик неоднократно был заводим, несмотря на то, что ни один из присутствующих не принимал в том никакого участия. Органчик поднимался и летал над головами присутствующих, причем музыка продолжала играть. По истечении же нескольких секунд органчик оказался поставленным на прежнее свое место на столе. Равно носился по ком-

нате на некоторой высоте и бронзовый колокольчик, звонил и над ним блистал огонек бледного цвета.

Г-н Ч. заявил, что комод от него отодвигается к прежнему месту своему; при этом все слышали глухой шум. Немедленно после сего послышался шум, происходивший от передвижения ящиков в комод, а затем каждый из присутствовавших стал заявлять о брошенных к нему на колени или перед ним на стол разных предметах, взятых с комода или из ящиков оного, как-то: разного платья, белья, перчаток, бумаг и т. д.; равно г-ну Б. брошен был с кровати на руки большой толстый его плед, который до заседания разостлан был им самим на кровати. Затем г-н S заявил, что из-под него тащат стул, а г-н Ч. объявил, что стул поставлен ему на голову. Непосредственно после высказанного г-ном П. сожаления, что г-ну S придется все время стоять, последний заявил, что к нему придвинулась кровать (большая, железная), на которую он и мог сесть, не разрывая общей цепи. Сверх того, все присутствовавшие заявили, что неоднократно чувствовали прикосновение пальцев какой-то руки, равно прикосновение щеток и бритвенной кисточки к головам и лицам.

Г-н П. заявил, что на него надета была шляпа его, которую потом снял кто-то. Г-н Г. заявил, что какая-то рука приподнимала его, так что он вынужден был встать со стула, на котором сидел. Затем слышны были два голоса, которые выразили несколько отдельных фраз по-английски и по-французски.

Во время заседания цепь не была прервана, и все присутствующие строго следили за тем, чтобы руки соседей были в их руках. Особенное внимание было обращено на то, чтобы руки приглашенных медиумов ни на секунду не выходили из рук лиц, сидевших по обе от них стороны. Дух, называющий себя «Джон Кинг», сказал несколько слов приветствия по-французски, брал руки присутствующих, и, между прочим, по изъявленной громко просьбе г-на Г. пожать руку г-ну Б., сей последний немедленно почувствовал, как 3 пальца неведомой руки схватили его руку за пальцы же и приподняли ее вместе с рукой соседа его г-на S. Все проявления, как-то: заведение органчика, передвижение мебели, брызгание духами, разброска книг и белья, приписываются медиумами духу, называющему себя «Питер», который несколько шипящим голосом, вполне отличным от басистого голоса духа, называемого «Джон Кинг», заявил, что он сожалеет, что он по-французски говорить не может, и, прощаясь словами «Good bye, good bless, you», выразил надежду, что его проказы не сочтутся неприличными («I hope, I was not raugh»). Г-н S., когда почувствовал, что тащат из-под него стул, упирался и не отпускал его, а встал по приглашению г-на Г., когда вновь почувствовал, что стул кто-то отодвигает; равно замечательно, что когда по окончании заседания зажгли свечу, то комод оказался сдвинутым с прежнего своего места и ящики его выдвинутыми».

Протокол подписали все присутствующие, кроме медиу-

мов, а именно: П., S., R., Г., П.₁ и Б. Впечатление протокол производит ясное, отчетливое; не верить – просто смешно, дело было ведено серьезно, и одна уже бледность рассказчиков говорила мне о правде.

Объяснения не прилагается, но оно довольно очевидно для непредубежденного лица: за комодом была дверь, куда она вела – неизвестно. Конечно, не она вела в № 14-й, на то есть две других двери. Весьма вероятно, судя по положению окна, что дверь, бывшая за комодом, вела в соседнюю комнату. Нанять в гостинице «Превитали» соседний номер, когда приглашение к сеансу состоялось, подыскать ключ, отворить дверь, отодвинуть комод и сделать все то, что выше описано, мог один или двое, Джон Кинг и Питер, но живые. Припомните. Слышали, как сначала отодвигали комод – это они входили и затем стали выкидывать свои проказы. Припомните, дело было в 8 ¹/₄ часов вечера, штора опущена, свеча загорена – ни зги не видно, и времени довольно для шалостей – наряженным духам. Они даже не хотели, уходя, придвинуть комод к месту и по спиритическому обычаю в комод шарить, но все оставили в комнате, обошлись вообще вежливо. В протоколе не значится – я прочел его весь с начала до конца, – что было в соседнем номере, позабыли осмотреть доверчивые люди. До того ли им было? Органы чувств – в напряжении, воображение, разум – в работе, до хладнокровной ли тут подозрительности? Мне неоднократно рассказывали о сеансах, происходивших в Лондоне с г-ном Вильям-

сом у частных лиц. Все в таком же роде: одеколон льется, органчик летает, белье бросается, комод открывается, руки поднимают и т. д. И всегда такие сеансы происходят в гостинице. Иногда они не удаются, но ведь уже решили спириты, что эти явления капризны. Спириты же терпеливы. В 3-й и 4-й раз они удадутся, а иногда и сразу. Во всяком случае, целая масса протоколов таких, как вышеописанный, и куча заявлений самых ученейших людей о сеансах, обставленных так плохо, как вышеуказанный, не могут ни малейшим образом действовать на убеждение в возможности появления духа разбойника Джона Кинга.

Проще предположить вместо того – человека во плоти, помогающего г-ну Вильямсу собирать с доверчивых иностранцев фунты стерлингов. Особенно разительно в вышеприведенном заявлении, как и во всех подобных, что предосторожности принимались: комнату осмотрели, стол внесли из другой комнаты, полагать надобно, что и кровать осмотрели, все время крепко держали медиумов за руки, и вполне удовлетволялись этими мерами предосторожности. Умные люди занялись духами – темнота нашла, страшно стало, до здравого ли тут смысла. Лица, сообщившие мне протокол, сами участвовали в сеансе и не верят в духов, оттого я так свободно выражаюсь здесь перед вами о том, что в их сеансе происходило. Я, может быть, и не решился высказывать мою гипотезу, если бы спиритический протокол явился помимо меня в печати, да еще за подписью дам или

вообще лиц, торжественно заявляющих, что все ими виденное не есть дело обмана; ведь мне бы пришлось тогда ведать-ся, оправдываться в обвинении, возводимом будто бы мною на недогадливость лиц, решившихся публично выступить со своими спиритическими явлениями. А я думаю, однако, что оправдываться надобно не мне, доказывать должны спириты, верящие Вильямсу; мне довольно и того, что я приведенным примером подтвердил ту гипотезу, что спиритизм по-мрачает здравый смысл людей, сбивает их с толку, лишает догадливости; это я утверждаю.

Это – сеансы в темноте, но подобные явления людей, говорят, бывают и при свете, и особенно действуют на многих спиритические факты, заявляемые *фотографией*. Какого еще освещения? У меня имеются, по обязательности тех же самых лиц, которые участвовали в выше описанном сеансе, фотографические портреты духов: Джона Кинга, сидящего вместе с Вильямсом, и духа женского пола *Ket*, присутствующего около дамы m-ss G. Я видел много таких фотографий. Вы знаете, конечно, что в Париже был не так давно процесс, в котором обсуждался вопрос этого рода: фотограф признался в обмане. В журнале «Природа», книга 1-я за этот год, приведено (кажется из «Gartenlaube») описание д-ра Штейна, который сам практиковал фотографические приемы, применяемые спиритами, и получил удовлетворительные результаты. Барревиль в своей «Фотографической химии» говорит еще в 1864 г. следующее. Автор при-

водит примеры, подтверждающие его предположения о том, что свет, действуя на подготовленную пластинку, разлагает соли серебра, нанесенные на нее, а именно при этом выделяется из них металлическое серебро, и, между прочим, пишет: «Наконец, – говорит Барревиль, – разве не этот незаметный металлический осадок, остающийся на пластинке при несовершенном способе очищения, дает возможность получать по желанию то, что американские фотографы называли *спиритическими фотографиями*? Это есть изображения невидимых лиц, появляющихся на пластинке одновременно с портретом. Изображения эти, конечно, не появились бы вовсе после хорошего промывания пластинки азотной кислотой, уничтожающею все металлические следы, остающиеся от изображения, прежде снятого на ту же пластинку». Заняться бы спиритам опровержением всего этого, а они только проповедуют: все правда, что там ни сказали они, тот сделал сию силлогистическую погрешность, тот не деликатен, а все неверящие – ретрограды.

Наконец, к числу спиритических фактов относятся появления *целых человеческих фигур, днем*, массою, неведомо откуда. Г-н Вагнер описывает в своей статье подобные явления у братьев Эдди в Америке. Если буду там и получу возможность, посмотрю эти фигуры, а теперь пока на слово не могу поверить даже корреспонденту американской газеты, который удостоверяет в подлинности этого спиритического факта.

Применялся *спиритизм и в медицине*. По этому поводу укажу только одно, что важно заметить: наши спириты заверяли в комиссии, что скипидар препятствует ходу медиумических явлений.

Но довольно о темных сторонах спиритизма; позвольте мне теперь перейти к изложению тех хороших сторон, которые нельзя не заметить при знакомстве со спиритизмом. Они есть, их многие не видят, говорить о них стоит, и при этом я буду иметь в виду развитие спиритизма у нас; оно виднее.

Спириты – те откровенные прямые, которые возбудили спиритические толки, – искатели, смело и честно выступившие с возвещением того, что считают новой истиной. Выше я упоминал уже об этом. Такие люди, которые не боятся предрассудков, смело идут против общепринятого – имеют в себе то не стадное, что необходимо в жизни людей. Выставляй спириты свое учение спокойно, не громи они науки, действуй в тех сферах, где свобода научного исследования обеспечена обычаем, кто же осмелился бы их осудить? Посмеялись бы, да втихомолку. В научных летописях известны и не такие ученые, как спиритические, – их игнорируют, от них отворачиваются, но об них не читают публичных чтений, не пишут столько, сколько о спиритизме и спиритах.

Фотографии духов, сделанные английским фотографом Битти

Тот мост между явлениями физическими и психическими, который видят спириты в медиумических явлениях, составляет действительно мост желанный, и такой наука рано или поздно построит. На постройку пойдет материал физиологии и психологии, терапии и психиатрии, захватят, быть может, и факты спиритизма, мост этот соединит ученых, не встанет поперек их дорога.

Медики уже начали исследовать гипнотизм, транс и другие нервные состояния, в которых выражаются с известным оттенком особенности нервной деятельности. Ученые не боятся этих вопросов; их напрасно боятся и многие другие лица, недостаточно подготовленные к пониманию общего движения науки. Разработка вопросов нервной физиологии не

убьет нравственных начал, она только разрушит суеверия, существующие в этом отношении, т. е. предвзятые мысли, с давних пор на веру принимаемые.

Для меня не подлежит сомнению, что настанет время, когда станут обо всем этом говорить так же спокойно, как говорят ныне о затмениях, о кометах. А сколько людей и этого боялось; иные боятся еще ныне. Им страшно говорить об этом предмете, им думается, что он не подлежит разбору, анализу; они видят дракона там, где луна. Мне кажется, однако, что ныне еще рановато говорить о крупных научных завоеваниях в отношении психической деятельности. Научные открытия и успехи не происходят вдруг; они накаплиются мало-помалу; нужно много работы для того, чтобы могло появиться лицо, охватывающее запас накопившихся знаний, умеющее добыть из этого запаса новую крупную идею, закон, управляющий совокупностью явлений. А над разработкой психической деятельности со стороны физических явлений, с нею связанных, работают немного, приступили к делу с осторожностью, науке свойственной, без поспешности, идут шаг за шагом и накапливают необходимый материал. Не отворачивайтесь от него, но не делайте по недостаточному материалу скорых, быстрых суждений, – вот что скажет всякий, кто дорожит истинными успехами науки.

В том внимании, которое заслужил спиритизм в обществе, видна другая, чрезвычайно утешительная сторона этого дела: чистый интерес науки руководит при этом большин-

ством людей. Так, привыкли мы утверждать, что наш век есть век практический, что весьма полезно получить лишний раз убеждение в том, что интересы, совершенно чуждые практических задач, заслуживают общественное внимание. Честь и слава спиритам, которые успели это продемонстрировать с несомненною ясностью. Никто не посмеет сказать теперь, что только одни личные делишки и грошовые интересы могут привлекать общественное внимание.

Хороший урок спиритизм дал и тем, кто упрекает современное общество в чисто материальных стремлениях.²¹ Нет, здесь речь идет о духах, из-за духов здесь интересуются делом, и интересуются больше, чем многими другими успехами науки, где дело идет о материи, о веществе со всеми его признаками, долженствующими по взгляду многих волновать умы рьяных материалистов. Этого нет, и внимание к спиритизму доказало это с несомненностью. Ведь не тем же интересовались вы, что ученые поспорили, не г-жою Клайер, а тем, что вопрос идет о духе, касается души и связи ее с телом, наукою.

Таким образом, интерес к спиритизму показал то внимание, которое может быть развито в массах к научным вопросам. Оно будет, лишь только вопросы касаются обыденных предметов, всем понятных и всюду встречающихся. Такой предмет и составляет деятельность психическая, относительно которой ныне распространены в массах, преимущественно против других предметов, наиболее суеверные понятия. Суеверие есть уверенность, на знании не основанная. Наука борется с суевериями, как свет с потемками. Немного осталось предметов, питающих суеверие в такой же мере, как психическая деятельность людей.

Мне кажется, что только в погоде и может находить суе-

верие столько же пищи, как в понятии о психической деятельности. Вы знаете, как много примет и разных суеверных понятий связывается с погодою: когда в такой-то день утром будет хорошая погода, говорит суеверие, будет такая-то в течение лета; когда в известную пятницу пойдет дождь, будет урожай, гром грянет – это катящаяся по небу колесница... и много подобных, всем известных примет и суеверий живет еще и долго будет жить среди людей. В них не верят те, кто стал на путь современного развития наук. Но, все же, в массах и помимо этих примет существует по отношению к погоде смутный остаток старых воззрений. Многим еще кажется, что погода есть результат какой-то случайности, каких-то неуловимых сплетений, и все чудится, что есть некоторая внешняя причина, управляющая состоянием погоды. Это оттого, что развитие научных знаний по отношению к погоде еще не велико. И странное дело: то, что уже стало известным в науке по отношению к этому предмету, весьма туго распространяется и в школах, и в литературе, даже между учеными. Много ли лиц обращали некоторое внимание на ежедневные бюллетени в газетах о погоде, на тот прогресс, который в последний десяток лет произошел в учении об этом предмете?

Странна и примечательна судьба добытых сведений в отношении к этому обыденному предмету, связанному с суевериями.

Опять из Индии, Восточной и Западной, идет начало точ-

ных, новых знаний по отношению к погоде. В их жарком климате часто господствуют ураганы, необычайно сильные. Изучение этих ураганов, доведенное до весьма большой полноты, показало, что ураган есть огромный вихрь, происходящий в воздухе и движущийся по поверхности Земли – разросшийся смерч. К центру вихря воздух направляется с громадною силою, втягивается туда и затем рассеивается в другие места. В центре вихря барометрическое давление меньше, чем в окружающих местах.

Мореплаватели пользуются теперь этим знанием для того, чтобы избежать урагана; они следят за барометром и избирают для корабля такое направление, по которому давление возрастает, избегают того пути, которое ведет к местам уменьшения давления. Развитие метеорологических наблюдений в Европе и Северной Америке дало возможность доказать, что вихри существуют постоянно и в наших широтах, и если они здесь не достигают такой силы, как под тропиками, то здесь охватывают они несравненно большее, чем там, пространство. Вихри, достигающие к нам, обыкновенно направляются из океана, следуют в нем по берегу той реки в океане, которую называют Гольфштромом, и двигаются чаще всего с запада на восток.

Прохождение вихря в данной местности, с несомненною, определяет многие перемены в состоянии погоды этого места; приближение центра вихря влечет за собою падение барометра, известные направления ветров, дуящих из

теплых стран, образование дождя, тумана, облаков; а после удаления центра вихря следует опять всегда определенная смена ветров, ясная погода, повышение барометра. И опять странное дело! Все это выработано учеными стран маленьких, в скромных кабинетах, а не в обширных центральных метеорологических учреждениях, хотя последние дали много материала драгоценного. Бейсбаллот в Голландии, Букан в Ирландии, Мон в Норвегии, Гофмейстер в Дании внесли в сокровищницу наук в этом отношении материалы неоцененные и дали возможность предвидеть скорое, при дальнейшем развитии знаний, обладание сведениями о погоде в такой же точности, какую представляют ныне и более развитые части естествознания.

Естествоиспытатели не пророки, а науку стремятся сделать пророческою. Когда алхимики трудились над первым запасом химических знаний, уже можно было предвидеть, что знание накапливается, подвергается обработке, приводится в систему, – что готовится новая наука, которая приведет человечество к победе над силами природы. Так в новейшее время строится метеорология. Правительства всех стран понимают это и не жалеют расходов на учреждение метеорологических станций; у нас в России их много. Земства, в интересах сельского хозяйства, начинают интересоваться тем же делом.

Немного расходится экземпляров летописей нашей метеорологической обсерватории, а они дают богатый матери-

ал для метеорологических суждений.

Мне было бы желательно направить ваше внимание на метеорологические вопросы, потому что с ними связана текущая борьба науки с суевериями. Вопрос о погоде стал на очередь, придет черед и вопросу о деятельности психической.

Настанет время не только точного предсказания погоды, но и полного ее ведения; мыслима в будущем даже борьба с погодой. Для успехов метеорологии, для победы знания над суеверием – ученые не жалеют своих сил; они копят и копят материал, зная, что он будет применен. Для этой же цели они пускаются в воздухоплавание; Вельч и Глешер поднимаются из Англии по поручению Ассоциации наук, чтобы собрать сведения о метеорологических процессах в верхних слоях атмосферы, потому что полеты Гей-Люссака, Баррала и Биксио только дали предчувствовать интерес исследования, производимого на аэростатах. Затем опять следовали французы; они вступили в ученое соревнование с англичанами; еще недавно вы читали в газетах о гибели Кроче-Спинелли и Сивеля в их воздушном полете в верхние слои атмосферы. В этом порыве, не боящемся случайностей, видна та твердость борьбы, которую затеяла ныне наука с суевериями относительно погоды; она желает победить их и победит: узнают мало-помалу все для того, чтобы обладать знанием и им заменить суеверие. И заметьте – не кичится этим наука, все спрятала в свои летописи – в «Русском вестнике» не видать статей о погоде.

Чуть не забыл, что предстал пред вами говорить не о погоде, а о спиритизме. Причиною моего увлечения служат два обстоятельства: во-первых, предмет сам по себе очень интересен и меня занимает, в особенности те метеорологические процессы, которые совершаются в верхних слоях атмосферы, именно там, где лаборатория погоды. Этот интерес увлек меня. С другой стороны, я думаю, что из всех суеверий, ныне еще существующих в большом развитии, суеверия, относящиеся до погоды, – доступнее других для окончательного истребления, для замены их знанием. Спиритизм же питается другими суевериями, относящимися до предметов, хотя доступных научному изучению, но гораздо более трудных. В погоде мы имеем дело с предметом вне нас находящимся, правда, обширным, разнообразным и трудным, но внешним. Суеверия же, относящиеся к душевной деятельности, питаются на счет субъективных, внутренних отношений; об них и нельзя, поэтому, так объективно говорить, как можно говорить о погоде.

Позволяю в заключение указать на следующее. По моему мнению, польза от разговора о спиритизме у нас, наверное, будет, потому что о нем обе стороны пишут и говорят свободно: увидят соотношение между наукою и учеными, подумают над приглашением скоро, бойко строить большие мосты, станут разбирать их проекты, отличать цель от средств – словом, иные задумаются. Если бы заставили молчать – не было бы и этой посильной пользы. Дайте высказаться ново-

му. Если в нем есть противное здравому смыслу, истине – нравственный союз школы, литературы и науки уже достаточно у нас силен для того, чтобы этому противодействовать. Не беда, если новенькое – ложное – сперва кое-кого и увлечет. Это даже хороший знак, что у нас нет китайской стены, что новому – верному – у нас дорога широка и свободна.

А в том, что вы пришли сюда послушать о спиритизме, – всякий видит одно ваше сочувствие к борцам против суеверий – школе, литературе и науке.²²

Примечания

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СУЖДЕНИЯ О СПИРИТИЗМЕ

¹ Аэростат в 2–3 тыс. куб. м емкости будет стоить не менее 6 тысяч, предварительные опыты, приборы и приспособления для наблюдений – около того же, каждое наполнение водородом с обратной доставкой аэростата или каждый высокий полет – около 2 тыс. Каждый полет при наполнении светильным газом – около 600 руб. Для первого результата нужны два-три пробных и пять-шесть полетов наблюдательных.

² Чтение было устроено С.-Петербургским славянским комитетом. Внимание публики к пострадавшим славянам выразилось тем, что сбор с этого публичного чтения достиг 1548 руб. 50 коп. («Голос», 1875, № 29, дек.).

³ Что и в научной битве, кроме личной храбрости, нужны и запасы крепости, что время татарских набегов на науку миновало.

⁴ Вначале духов называли «стучащими» духами. При дальнейшей разработке спиритического учения оказалось,

что двигаются не только шляпы, но столы и другие тяжелые предметы. Мне, однако, не известно еще ни одного опыта, в котором бы удалось привести в движение двигательную машину при помощи духов, хотя есть уже швейные машины, приводимые в движение гальваническими батареями, струей воды и тому подобными двигателями, доставляющими малое количество работы. Слышно, что и у нас спиритические кружки начали стремиться к утилитарным целям; говорят, что кружки спиритов в Киеве и здесь, в Петербурге, отправляют от себя в Америку делегатов, с которыми и хотят сношаться при помощи духов, предполагая путем такого сношения заменить атлантический телеграф.

⁵ Валлас, в числе их, думает, что люди найдут в спиритических духах нравственную для себя поддержку.

⁶ Нет, эти духи, что стучат,
Или ворочают столами,
Не те, которые грозят

Расстаться с нашими мечтами.
Мир снова жаждет обновленья,
В науке ищет откровенья,

продолжает Полонский и выводит, что эти духи

Родные дети пустоты,
Тоски, неверья, увяданья,

Они – фантазия без крыл.

В этих стихах, как в своих «Грезах», Полонский кратко и неподражаемо передал мысль, бывшую у многих в голове, коснулся самой сущности вопроса. Люди науки, сколько слышится, думают именно так.

⁷ Спириты думают смягчить свое отношение к делу, когда называют спиритические явления «*медиумическими*», но при этом забывается ими, что самое слово «медиум» заключает в себе понятие о посреднике между остальным миром и миром духов. То полусонное состояние, в которое впадают медиумы в некоторых случаях, названное спиритами «трансом», также составлено в духе спиритического учения; им хотят обозначить переходное состояние от духовного к материальному.

⁸ Нашим спиритам следовало бы сперва хорошенько разобраться в медиумических фактах, а не выступать прямо с пропагандою всего спиритического учения.

⁹ Простодушные любители нравоучений не раз читали нотацию членам комиссии Физического общества за то, что они взялись за *изловление* медиумов, говорят: «Есть на то фокусники». При этом упражнялись и в свободомыслии и в диалектике. Знали, что не станет никто защищать комиссию. И не должно. И я не стану. Если бы у писавших и говоривших против комиссии была хоть доля знания того предмета, о котором они решаются бойко судить, то они постыдились

бы своих слов. Далее – я выставляю отношение нашей литературы к спиритизму, но беру для примера не тех писателей, которые пишут о предмете совершенно неизвестном, а таких, которые дорожат своим именем и стараются вникнуть в сущность дела, так или иначе ему помогают, а не просто только – блестят своими писаниями, не заботясь ни о чем прочем. У этих последних на все есть ответ, всякому готово наставление и всякому указываются пути возможные на деле, терпимые на странице журнала или газеты, но существа дела не касающиеся. Таков и есть путь борьбы со спиритизмом – при помощи фокусников.

¹⁰ Доклад Лавуазье о месмеризме, приводимый мною в этой книге, указывает те способы, которыми исследуется самообман. Доказательства разительны, но, при отсутствии знания механизма действия воображения, останутся с тем особым характером, который отличает юридически верное от точно известного.

¹¹ Представьте настроенное воображение, подготовку встретить духа, да, пожалуй, в материальной форме. Мороз идет по коже. Мысль устремляется на один этот предмет, на это ожидание, гонит прочь надоедливое сомнение. До спокойного ли тут рассуждения? Все мысли, около этого предмета вращающиеся, приобретают жесткость: «Этого не тронь». Люди ловкие пользуются этим состоянием. Помните процесс в Екатеринославле со спиритической подкладкой? Под гнетом спиритической уверенности обделывают делиш-

ки. Это, конечно, касается только малой доли спиритов, но во всех видна потеря хладнокровия. Невольно пожалеешь их. А все оттого, что бросили путь твердый, ступили на зыбкий берег и мост проектируют. Смотрят иные на спиритизм как на забаву. Выбор, мне кажется, неудачен.

¹² При обсуждении хода дел в комиссии многие упускают из виду следующее обстоятельство: комиссия и ее члены до 25 марта 1876 г. ничего от себя в газетах не писали. Все, что писано, принадлежит или перу г-д спиритов, или другим лицам, желавшим поговорить о делах комиссии. Для комиссии совершенно не нужна публикация. Если б нашлись и интересные предметы для исследования – дела протянулись бы может быть очень долго. Публичность нужна для результатов, если есть нарекания, если истина заинтересовала многих; ученые наши общества не навязываются, об их деятельности у нас знают мало; иным кажется удобнейшим путем возбуждения у нас науки – только осуждать наши недавно возникшие ученые кружки. Забывается при этом, что молодые русские научные силы зародились из той же среды, которая произвела и все остальное у нас, что голос благоразумия заставит, и скоро заставит, тех же порицателей – говорить другое.

¹³ Я ошибся, сказав так, потому что в газетах («Голос», 29 марта 1876 г., № 89) пишут, что стол скользил. То же г-н Аксаков, хоть и поздно, пишет и в комиссию – тогда г-жа Клайер уже уехала из Петербурга. Мне следовало ска-

зять: «...пишут, что и скользил и качался только дома у г-на Аксакова, не в комиссии...».

¹⁴ На этом месте окончено было первое чтение 24 апреля. Пред началом второго (25 апреля) я сказал приблизительно следующее (слова мои записал стенографически г-н Никитин):

«Господа! Во вчерашнем чтении я имел честь сообщить вам о том, что по поводу распространения у нас спиритического учения члены Физического общества образовали из среды своей комиссию для рассмотрения спиритических явлений; затем сообщил о результатах, достигнутых этой комиссией с медиумами-братьями Петти и мисс Клайер. Я читал прошлый раз, хотя привык говорить. К этому принуждает меня мое желание отвечать за каждое сказанное здесь слово. Знаю, что мне придется вспоминать сказанное и желаю, чтобы то самое, что я скажу здесь, появилось бы и в печати.

По поводу того, что я вчера имел честь сообщить вам, меня спрашивают, отчего я не прочел протоколов сеансов с мисс Клайер. По этому поводу объясню следующее: в № 85 газеты «Голос», 25 марта 1876 г., появилась статья от комиссии для рассмотрения медиумических явлений. В начале этой статьи сказано, что комиссия постановила от себя дать вначале краткий отчет, а затем публиковать протоколы своих заседаний и разные к ним приложения. Следовательно, ничто из происшедшего или заявленного в комиссии не скроется, все публикуется. Но вы спросите, зачем же я не

жду, зачем предупреждаю, не даю явиться этим протоколам и тогда уже не читаю того, что желаю высказать теперь? Это потому, что ведь и спириты не ждут этого появления документов; они печатают, что признают полезным для своего дела. Печатное прочтет большее количество народа, чем может собраться в этой зале. Ничего не печатая, я говорю. Они избирают один способ отношения к публике, я – другой; это ведь волен делать каждый. Между тем комиссия, согласно своему постановлению, печатает обещанное, и я занят этим делом; мне даны все протоколы и все к ним приложения. Печатание началось с апреля, и листов 8–10 уже сделано. Неужели же все это читать здесь? Ведь это невозможно.

Сообщили мне далее, что в протоколе сеанса за манометрическим столом есть факты, утверждающие другое, чем те, что я сказал здесь вчера. Это не так. Сидели за ним раз в 11-м заседании (11 января). Вот что сказано в отношении к манометрическому столу в этом протоколе.

(Следует чтение части протокола. Прочтено 18 1/2 первых сверху строк этой страницы.) Это относится к заседанию 11-му. Надо вам заметить, что в этом столе было две подвижные части: на одной лежали руки г-жи Клайер, на другой – всех присутствующих на сеансе; г-н Бутлеров и некоторые члены комиссии следили за манометрами. Следовательно, судя по протоколу, давила и мисс Клайер. Вот все, что есть в этом протоколе. Однажды только решились спириты с г-н Клайер сесть за манометрический стол, а больше не сяди-

лись. Значит, не из-за того прошлый раз не читались протоколы, что будто бы они говорят против комиссии и в пользу медиумизма. Все то, что есть в протоколах о манометрическом столе, заключается в тех же словах, какие вы часто слышали и в декабрьском чтении протоколов: “Никаких медиумических явлений не произошло”. Мне казалось, что вместо того, можно сообщить вам нечто более интересное, и потому, согласно своему первому плану, желая отвечать за каждое слово, я буду теперь продолжать чтение, откажу себе в желании говорить. Замечу еще, что после вчерашнего чтения, я ничего не прибавил и не убавил в своем дальнейшем изложении». После этого я продолжал чтение.

¹⁵ И это было бы в интересе науки, потому что она не игнорирует действительности. Только легкомыслие может ругаться за полное понимание и знание; только оно судит сплеча. Некоторые спириты, подобно некоторым газетным хроникерам, имеют твердую уверенность – одни в том, что медиумические явления производятся новою силою, другие, что в них ничего кроме вздору и быть не может. Предлагая учреждение комиссии, я думал преимущественно о том, чтобы указать тот путь, на котором можно найти истину. Спириты и их медиумы – помогли знанию истины.

¹⁶ Не могу допустить А. Н. Аксакова, при моем выигрыше, до печатания *против* спиритизма, ибо полагаю, что его писания за – на многих действовали, как наилучшие статьи *против* спиритизма.

¹⁷ Так не попали туда и достойные внимания, сообщенные мне Ф. Ф. Петрушевским, писания г-на Дриберга. Этот даже премию назначил тому, *кто докажет ему*, Дрибергу, что показания барометра зависят от давления воздуха. Премия осталась невыданною, никто не мог Дрибергу дать доказательств, достаточно для него убедительных.

¹⁸ Движения без прикосновения уж очень плохо описаны, редки, по словам спиритов, удаются и у сильных медиумов преимущественно в темноте.

¹⁹ Послышатся удары, подобные звуку от падающих песчинок; рычаг будет подскакивать и падать, ибо времена его колебаний не одинаковы со временем колебаний перепонки. Все это ясно и без повторения опыта; но у нас в комиссии и опыт был – г-н Аксаков просил сделать, – и, конечно, вышло колебание от звука. Тут всего курьезнее то обстоятельство, что прибор был сделан, г-н Аксаков взял его к себе на дом, и у него не было никаких колебаний, ни медиумических, ни звуковых.

²⁰ Замечу что это-то и худо, следовало сделать приготовления против возможности обмана – следовало позаботиться о дверях, о камине, об окнах, а то в темноте легко в них проникнуть постороннему лицу.

²¹ В апрельском номере «Дневника» г-н Достоевский спрашивает: «Шутя или вправду я вижу в спиритизме светлые стороны». Ответ: «Вправду». Позволю затем поставить

такой же вопрос г-ну Достоевскому: шутя или вправду спрашивает он? Если шутя, ну и пусть шутит, забавляет. А если вправду, то неужели он хочет принадлежать к таким, которые видят в Наполеоне или только гения, или только антихриста? Мне кажутся неполными те очерки спиритизма, в которых спиритов только корят, спиритизм только бранят, я хотел и останусь спокойным даже при рассуждении о спиритизме.

²² Кончая книгу, я испытываю для меня новое, сложное ощущение, в котором смешались радость, сожаление, печаль, грусть, ожидание. Кончая другие книги, ничего подобного никогда не происходило во мне. Рад я – концу книги, тяжелое дело сбыл. Сожалею о том, что зачинал дело комиссии; думалось, что вопрос, как и всякий другой, пойдет – хоть и не решится до конца (что же решено-то до самого конца), а все же подвинется, а вышло, как говорит г-н Боборыкин, «ни взад, ни вперед»; думалось, имеешь дело с научным вопросом, оказалось, это вопрос совсем какой-то другой, а только уж никак не научный. Оттого и жаль, что вмешался. Печалюсь и грущу, потому что вижу, как правду хочет оседлать кривда, не мытьем хочет взять, так катаньем. Ожидаю... ожиданий много.

Ожидаю и устройства аэростата, и разных сюрпризов от г-д спиритов и от океана, чрез который собрался плыть, и от Америки, и даже от самого себя. Да, будет для меня большою неожиданностью, если примусь еще раз за перо по поводу

спиритизма, а, того смотри, пожалуй, придется. Теперь же думаю, что довольно пошло на это дело и времени и сил. Они годятся на другое. Пусть это другое – будет не «конь» общественного вопроса, а «трепетная лань» мелких, недостойных общего внимания, вопросов узкой специальности, но все же мне удобнее впрячь в телегу моей жизни эту лань, чем того коня. Не хотел я впрягать, сам не знаю даже, кто и когда пристегнул его в мою телегу. Пусть уже на том коне ездят гда Аксаковы и компания. Кавалеристы – они знают, как править конем и как при этом обращаться с толпой. Этим искусствам не научает езда в телеге на «трепетной лани». Эти – знай потряхивают, хоть по кочкам и болотам, мимо народа, а все же, по привычке, как-то кажется покойнее, да прямее и скорее.

Д. Менделеев.

P.S. Сразу после того, как написал предшествующие строки, уже получил один сюрприз, в виде письма, подписанного «Мать семейства». В нем я уличаюсь за мои чтения 24 и 25 апреля в проповеди материализма, в колебании и тому подобном. Обещана публикация письма. Спиритизм – признается новым откровением, однако духи спиритов считаются духами не добрыми. Это последнее я слышал и раньше. Обещан мне позор, грозят не Сибирью, а чем-то хуже, – словом, сюрпризы начались. Смею уверить почтенную «Мать семейства», что материализация духов – выдумана не мною, что

ханжество во всех его видах не есть дело нравственное и, наконец, что я готов служить, так или иначе, средством для того, чтобы было меньше грубых материалистов и ханжей, а побольше было бы людей, истинно понимающих, что между наукою и нравственными началами существует исконное единство.

Оно до такой степени всем ясно, что кому-то в «Отечественных записках» почудилось даже ханжество науки, выдумана правоверная и официальная наука. Все это распутывать нет у меня охоты. В назидание же «Матери семейства» прибавлю только следующую мысль, принадлежащую, если не ошибаюсь, Фробелю: спиритизм выражает недовольство, неудовлетворение отвлеченными понятиями философии и нравственности; говоря о духах, философы доказывали существование, бытие сверхестественного мира, а спириты тот мир спустили на землю, показывают за грош, должны доказывать материальность духов.